

Евгений Калачев

СЕТЬ ПЕТРОВСКОГО

Часть 2

Студенческое братство. Семья. Банда.
История, изменившая образование навсегда.

Евгений Калачев
Сеть Петровского. Часть 2

«Издательские решения»

Калачев Е.

Сеть Петровского. Часть 2 / Е. Калачев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859281-2

Вторая и заключительная часть романа, рассказывающего о 5 годах жизни нескольких студентов, в погоне за «лучшей долей» заигрывающих с законом в стенах своего вуза и за его пределами. Большая часть книги посвящена последним двум годам обучения главных героев в НГПУ, за которые развернулись самые драматичные для персонажей и университета события, членам «сети Петровского» предстояло узнать самую страшную тайну своего лидера и в полной мере понять истинную цену красивой жизни...

ISBN 978-5-44-859281-2

© Калачев Е.
© Издательские решения

Содержание

11. Мосты Рубикона	7
12. Вавилон	28
13. Стеклоанный мир	54
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Сеть Петровского

Часть 2

Евгений Калачев

© Евгений Калачев, 2017

ISBN 978-5-4485-9281-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Март 2013

– Здорово, пацаны! – сев в машину, Лукьянов поочередно пожал руки Кротову и Постовалову.

– Привет, коли не шутишь! – хмыкнул Роман, – что расскажешь хорошего?

– Что-то расскажу! – самодовольно пообещал Лукьянов, – я тут продолжал присматривать за нашим дорогим другом Петровским, чтобы он опять не натворил дел... так вот, наблюдал я, наблюдал и решил вбить фамилию нашего таинственного отморозка в поисковик...

– На хрена? – Кротов презрительно фыркнул, – он что, звезда или политик?

– Он – нет, – ответил Лукьянов, проигнорировав насмешку, – но по такому запросу, как «Нобельск, Петровский» паутина, кое-что все же выдает. Кое-что любопытное, Рома. Я «гуглил», потому что фамилия тогда показалась тебе знакомой, – Кирилл выразительно посмотрел на Романа.

– Ну, говори, раз начал! – Кротов развел руками.

– В общем, был в нашем городе, как выясняется, такой персонаж, как Алексей Петровский, – вкрадчиво продолжил Лукьянов, – или до сих пор есть, точно не знаю, статьи датируются, в основном, четырех-пятилетней давностью, есть и совсем древние, я их не читал. Только вот, что интересно, имя фигурирует не просто на официальном сайте какой-нибудь фирмы «Семеныч и сыновья», а конкретно в местных СМИ...

– И что теперь? – хмыкнул Кротов.

– А ты вбей «Нобельск, Петровский» и почитай! – обиженно заявил Лукьянов, – особенно советую последнюю статью, в которой светится этот Алексей Петровский, там **очень** интересные вещи написаны! Фамилия, Рома, кстати, не такая уж распространенная! Много ли Петровских найдется на весь наш маленький городок, как думаешь, Рома? – Кирилл прищурился.

– Думаешь, родственник? – Постовалов обернулся назад.

– Родственник! – фыркнул Лукьянов, – я все разузнал у нашего человечка в их замечательной организации! – Кирилл двусмысленно усмехнулся, – догадываетесь, какое у Петровского отчество?

– Алексеевич, понятное дело! – Кротов отмахнулся, – ну, такую информацию можно было узнать и, не заводя стукача в его шайке... хотя, конечно, Петровский, видимо, сильно достал всех, даже своих людей, раз они согласны стучать на него нам... дельное что-нибудь этот комнатный шпион сказал? – Роман обернулся и в упор посмотрел на Лукьянова.

– Да все по-прежнему, – Кирилл пожал плечами, – учатся потихоньку, ну, у Петровского и еще одного из их же кодлы кафешка своя около НГПУ, но мы это и раньше знали. Ну, такого сочного факта, чтобы за зад их ухватить, вроде, пока нет. Ну, наш стукач так говорит, по крайней мере. В остальном, вроде ничего лишнего Петровский пока себе не позволяет.

– Ладно, следите за ним, – кивнул Кротов, – стукач на тебе, Некит, тоже подключишься, если что...

– Оставил бы ты уже этого Петровского в покое! – Поставалов тяжело вздохнул, – не лезет он к нам больше и ладно... или ты так хочешь отомстить? – он заглянул другу в глаза.

– В первую очередь я не хочу, чтобы Петровский снова что-нибудь выкинул! – ответил Кротов, – что-то такое, что может навредить нам!

– Не похоже было, чтобы он собирался, – Поставалов пожал плечами, – думаю, он и сам рад, что мы разошлись. Вряд ли он захочет вновь с нами пересекаться...

– А это уже мы будем решать, захочет или нет! – Кротов нехорошо усмехнулся, – мячик-то теперь на нашей половине поля. И на Петровского у нас много чего есть...

– Если они не дураки, хвосты уже подчистили, – резонно возразил Никита.

– Увидим, чего раньше времени рассуждать! – Роман отмахнулся, – ну так что, Лукьян, расход? Я тебя больше не задерживаю! – он посмотрел на Кирилла и усмехнулся.

– Да погоди ты! – горячо заговорил тот, – по поводу этого мужика, Алексея Петровского, который если не папаша нашего Костика, то я не Кирилл Лукьянов...

– Да может еще и не папаша, с чего ты взял, всякие совпадения бывают! – Кротов махнул рукой.

– Даже если так, набери в прямо сейчас то, что я сказал и прочти пару статей! – настаивал Кирилл, – достань телефон и набери, тебе трудно, что ли?

– Ладно, хорошо! – поняв, что Лукьянов не отстанет, Роман достал телефон, – Алексей Петровский, Нобельск...

Пару минут Кротов изучал то, что выдала «всемирная паутина» по его запросу. Затем цокнул языком.

– Ну, допустим, – констатировал он, – да, была такая птица... или есть. Теперь, по крайней мере, понятно, где я раньше слышал эту фамилию. Только здесь никакой информации о детях, Кирюша! – он вновь повернулся к Лукьянову и приподнял брови.

– Как и о семье вообще! – торжественно заявил тот, – а теперь прочти самую последнюю статью об этом Алексее Петровском, сделай одолжение! Нет, ты прочти, прочти! Три года назад, весна 2010-го! Ты почитай ту статейку, Рома и подумай! А то может, случайностей вообще не бывает?

Кротов вновь посмотрел на Лукьянова. Тот не отрывал от него выразительного взгляда.

11. Мосты Рубикона

– Олег Васильевич, Фролов все еще числится в списках кандидатов! – пожаловался Удалов, оглядевшись по сторонам и убедившись, что больше их никто не слушает, – не пора ли показать ему его настоящее место? Нет, я вам не указываю, вы не думайте, просто... – он с опаской посмотрел на проректора. Тот лишь ухмыльнулся и выпустил в воздух сигаретный дым.

– Покажем, Стасик, покажем! – пообещал Селиверстов, – будет тебе кресло президента профсоюза, не переживай так. Только не забывай, кто тебя в него посадил! – он нехорошо сверкнул глазами.

– Я все понимаю, – Удалов мрачно кивнул, – но Фролов...

– Фролов не будет на этой должности, да и в профкоме вообще! – отрезал Селиверстов, запустив сигарету в урну, – подожди ты пару дней, дай парню взвесить все «против» и «против»! – он вновь продемонстрировал ехидную усмешку и направился к машине, – сам откажется от этой гонки, вот увидишь! Сам только это время к нему даже не приближайся, понял? Лучше забудь, что у тебя вообще есть конкурент. А совсем скоро забудешь о нем на самом деле...

Говоря, Селиверстов быстрым шагом приближался к авто.

– А если он не откажется? – Удалов поспешно засеменил за проректором. Тот уже открывал дверь своего автомобиля и раздраженно обернулся к задерживавшему его Стасу.

– А если не откажется, намекну более прозрачно! – сообщил Селиверстов, – но я не думаю, что он настолько глуп, чтобы мне перечить. Короче, не парься Стасик! Сядешь ты в заветное кресло уже в конце апреля! Только помни доброту людей, которые тебе помогали! Не вздумай ее забыть...

С этими словами Селиверстов двусмысленно подмигнул и сел в свою машину. Удалов смотрел, как он трогается с места и выезжает с территории НГПУ куда-то по своим делам.

– Вот списки, которые вы просили предоставить! – Петровский выложил на стол альбомный лист с фамилиями, – здесь студенты выпускного курса, которые... скажем так, не хотят сильно мучиться на госэкзамене. Это очники. По заочному не отработывал, но и команды такой не было, – он ухмыльнулся, – кстати, я не поздравлял вас с должностью замдекана! Виктор Георгиевич, на чистоту, Карнаухов не мог сам обратиться с этим вопросом? – Петровский посмотрел на Фокина, который теперь занимал пост заместителя декана юрфака.

– Тихо, Петровский, не ори! – Фокин округлил глаза, – давай не будем бросаться фамилиями, тем более, в нашей ситуации!

– Да нет никакой ситуации, Виктор Георгиевич! – Петровский вновь ухмыльнулся, – все же все понимают. И Алексея Станиславовича я не осуждаю, пусть он не волнуется за это... и молчать буду, как рыба! Я ведь хорошо понимаю, ничего не бывает просто так, за лояльное отношение приходится отвечать встречной добротой! И то, что корпоративная этика у нас, тоже понимаю! – он осклабился, с интересом разглядывая Фокина.

– Вот смотрю на тебя, Петровский, и не могу понять, серьезно ты или издеваешься... – медленно проговорил тот, – ты наглый, Константин. Не таким я тебя запомнил, когда ты пришел ко мне впервые, совсем не таким...

– Ну, так времена меняются, Виктор Георгиевич! – усмешка не сходила с лица Петровского, – люди адаптируются... к среде, в которой вынуждены обитать! – язвительно добавил

он. Он прекрасно понял, что под «впервые» Фокин подразумевал совсем не их первую встречу на занятиях.

– В общем, ты не маленький, все понимаешь, да? – подытожил тот, не желая продолжать разговор, – думаю, тебе не стоит объяснять, что это не тот случай...

– Где я мог бы понять свое! – с улыбкой закончил за него Петровский, – нет, Виктор Георгиевич, я все понимаю, не мой уровень! И чужого мне не надо. Вы не переживайте, все будет в лучшем виде! И Алексею Станиславовичу передайте, чтобы не переживал! Ну, я пойду? – он поднялся со стула.

– Иди, – Фокин кивнул, – понадобится – тебя найдут...

– Жутко звучит! – хмыкнул Петровский, – в общем, я все понял, сообщу, как они будут готовы...

– Добро, – нехотя ответил Фокин, – давай, Петровский, иди, у меня дел куча...

Петровский одарил преподавателя еще одной змеиной усмешкой, сродни той, которая была на лице того, когда они впервые говорили на подобные темы, после чего покинул его кабинет.

– Ладно, скоро пара начнется, сколько я должен за обед? – Макаров вытер губы салфеткой и достал из кармана брюк кошелек.

– Убери! – Логинов с улыбкой отмахнулся, – еще не хватало, чтобы мы в своей же кафешке со своих деньги брали!

– Слав, ты пойми правильно, я не в курсе, чем я так приглянулся Петровскому, но мне не надо, чтобы ко мне было какое-то особое отношение! – Сергей очень серьезно посмотрел на Славика.

– А его и нет, – Логинов пожал плечами, – но мы со своих денег не берем. Ни с кого. Так что расслабься, Серег! – он снова улыбнулся и откинулся на спинку стула.

– Своих, – повторил Макаров очень тихо и мрачно, – даже это слово меня уже пугает. Словно это банда какая-то. Хотя, наверное, так оно и есть. Слав, между нами, только не подумай, что я к чему-то призываю... ты-то как попал? Вроде взрослый, умный, не нуждаешься... или тоже поймали на чем-то? Нет, я ни о ком не хочу говорить плохо, тем более за глаза. Просто... просто все это очень опасно. Все, что творит Петровский, все, к чему он призывает других. И, если честно, это по-настоящему пугает меня...

Сергей замолчал. Славик отхлебнул сок и поставил стакан на стол, не сводя при этом внимательного взгляда со своего собеседника.

– И меня пугало, – кивнул он, – и сейчас пугает. Я тоже не собираюсь обсуждать кого-либо за спиной, скажу только одно, Сереж: я вижу, что у тебя есть свой взгляд на жизнь. И я уважаю это, потому могу предупредить лишь об одном: постарайся сохранить свою позицию и свой уклад. Хотя бы внутри себя. Костик... он не плохой, нет. Но он слишком уверен в том, что его мнение о людях, об устройстве жизни и мира вообще – единственно правильное. И еще он пытается переубедить людей из своего окружения. Тех, кто с ним не согласен. И методы переубеждения... в общем, ты сам уже все видел, – Славик вновь взял стакан и отхлебнул из него еще немного, – я считаю Костю другом и всегда буду за него, даже если где-то с ним не согласен, это вообще только мое. Просто хочу предупредить тебя: не заблуждайся по поводу его отношения к себе. Просто ты другой, полярно другой. Костик это видит и уделяет тебе внимание, где-то больше, чем остальным. Понимаешь... он хочет, чтобы ты был с ним согласен... чтобы все, кто плывет с ним в одной лодке, были согласны... улавливаешь? – Логинов внимательно посмотрел на Сергея.

– То есть, он пытается сломать меня? – уточнил Макаров, приподняв брови.

– Переубедить, – поправил Славик, – доказать тебе, что в отношении основных жизненных принципов прав он, а не ты. Ну а то, как он смотрит на мир, думаю, ты и сам понял, не ребенок уже...

– По законам волчьей стаи, что тут не понять, – Макаров вздохнул, – Слав, я все равно не понимаю. Я ему должен, серьезно должен, у меня выхода нет. Но ты почему с ним водишься? Ты же видишь, какой он!

– Потому что друзей не продают, – коротко ответил Славик, – а иногда еще и не выбирают, как родственников. А Петровский, с какой стороны не зайти, мне друг. И так будет всегда. И, если уж он хочет ходить по краю, я постараюсь быть рядом с ним... чтобы он хотя бы не грохнулся вниз в критический момент! – на этих словах Логинов широко улыбнулся.

– Ты хороший человек, Слава, – оценил Сергей, – хочется надеяться, что он тебя ценит. В ответ Логинов лишь пожал плечами.

– Смотрите, чтобы больше такого не было! – некурящий Асхат отогнал от себя сигаретный дым. Трое второкурсников, стоявших напротив него, усиленно «травились».

– Мы поняли! – хмуро ответил один из них.

– Я серьезно! – повторил Асхат, немного повысив голос, – если вам идут навстречу и гарантируют зачет, это не значит, что надо всей группой забивать на пары. Вы думайте, что делаете! Второй раз пустая аудитория и препод в шоке! А если проверка из деканата? Или еще откуда похлеще?

– Да, Асхат, мы все поняли, – повторил тот же второкурсник.

– Надеюсь на это, – тот коротко кивнул.

В этот момент к парковке подъехала темно-серая машина. Асхат обернулся на гудок. Этот агрессивного вида кроссовер на днях приобрел Петровский в местном салоне за кругленькую сумму. Он махнул рукой студентам, спустился вниз по ступенькам и сел в машину.

– Привет! – Петровский пожал ему руку, – что там у тебя?

– Да ничего особенного, второй курс немного зарвался, – отмахнулся Асхат, – узнали, что им поставят зачет по Веденееву и забили на пары, причем всей группой...

– Ну, ты сделал внушение? – Петровский усмехнулся.

– Дал втык, чтобы так не борзели всей группой пропускать, – ответил Асхат, – кстати о борзоте. Посетил бы пару раз Фокина для приличия... понимаю, что все равно отдавать, но все же... сам вот сегодня сходил на его пару.

– Нет, – Петровский ухмыльнулся, вспоминая вчерашний разговор, – к Фокину я точно на занятия не приду, просто прими, как факт. Ладно, не в этом суть...

– Да, кстати, о сути, – Асхат мгновенно посерьезнел, – слышал, что у Фрола проблемы...

– Да, причем серьезные, – Петровский мрачно кивнул, – целый проректор. Я догадывался, что Удалов просто так не сдастся, но не думал, что у него завязки так высоко. Проявляет разнообразие в методах устранения конкурентов, падла... – он несильно ударил кулаком по приборной панели.

– В смысле, разнообразие? – не понял Асхат.

– Да так, забудь! – поняв, что сболтнул лишнего, Петровский быстро переключился, – ситуация серьезная, вот в чем соль. И как ее решать – я не знаю. Интересно, конечно, что за дела были у Удалова с проректором по воспитательной работе. Но к нему теперь не подкатишь...

– На пушечный выстрел подходить нельзя! – хмыкнул Асхат, – проблемы будут. Настучит же сразу...

– Это как минимум, – согласился Петровский, – а может, под всех нас копать начнут. Не должны, конечно, все-таки не мы одни греемся, есть люди и повыше в нашей лодочке.

Но у Фрола проблем опять будет немерено, это к бабке не ходи. Из профсоюза его будут выживать правдами и неправдами...

– От меня-то чего хочешь? – улынулся Асхат.

– Мыслей, чего же еще! – ответил Петровский, – ты у нас, как ни крути, самый башковитый! Помнишь, как лихо тогда с Касаткиным развод придумал?

– Не лъсти! – отмахнулся Асхат, – а как же Славик?

– Славика я уже напряг, но ему сейчас особо не до этого, – сказал Петровский, – почти все дела кафешки сейчас на нем. Да и сессия на техфаке у третьего курса замороченная. Так что думать, Асхатик, в основном, нам с тобой.

– Я так понимаю... – начал Асхат, расплывшись в хитрой усмешке, – что отступление на этом фронте – опять не вариант?

– Только в самом крайнем случае, – Петровский покачал головой, – не хочу уступать этому ублюдку Удалову.

– Не хочешь уступать ты, а проблемы будут у Фрола, – резонно заметил Асхат, – понимаешь, что его могут просто подставить? Серьезно подставить! – он выразительно посмотрел на Петровского.

– Понимаю, – тот мрачно кивнул, – а что предлагаешь, дать заднюю?

– Для начала предлагаю хотя бы считаться с мнением самого Фролова, – твердо сказал Асхат, – если что начнется, достанется больше всех ему. Ему то оно надо?

– Так давай и предоставим ему принимать решение самому! – Петровский криво ухмыльнулся, – Асхат, давай говорить напрямую, тебе, похоже, что-то не нравится?

– Костик, ты прекрасно знаешь Фролова, – Асхат тяжело вздохнул, – и ситуацию понимаешь. Без твоего одобрения он не откажется, даже если это будет самоубийством! Ты ведь в курсе, насколько ему важно стороннее мнение, особенно твое и наше. Не делай вид, что не осознаешь всех раскладов, ладно? – Асхат посмотрел на Петровского почти с гневом.

– Что ты предлагаешь? – спросил тот, откинувшись на спинку сиденья.

– Отступить! – Асхат твердо смотрел на него, – на этом направлении отступить, Костя. Это уже не наш уровень. И бодаться с проректором из-за нас никто повыше не станет. Ты знаешь все расклады, они... – Асхат указал пальцем вверх, – спят и видят, как бы избавиться от нас, ну только чужими руками. И от тебя в частности! Никто не станет нам помогать, просто из принципа. Ну, и кто мы сами против целого проректора?

Асхат замолчал и в упор уставился на Петровского. Тот молчал. Асхат продолжал выжидающе смотреть.

– Хорошо, – выдохнул тот, наконец, – если иных вариантов не останется, обещаю, что мы отступим.

– Костик, а их и так нет! – Асхат впервые за три года знакомства вышел из себя, – да почему же ты такой непробиваемый?! Почему ты уверен, что непобедим? Проснись, Петровский, ау, ты заигрался! – Асхат пощелкал пальцами у его лица, – пора сбавить обороты!

– Как вы все этим достали... – процедил Петровский, – Асхат, ты боишься?

– На понт не бери, не тот случай! – рявкнул Асхат, – не за себя боюсь, за Фролова! Он же сам не отступится, а тебе словно по фигу! Его сожрут, ты это понимаешь?! Тебе его совсем не жалко? – он округлил глаза.

– Я своих уважать хочу, – проговорил Петровский, зло глядя куда-то вперед, – а не жалеть...

– Слышишь, Горький, ты понял, о чем я! – одернул Асхат, – давай без этой философии...

– Три дня... – прошелестел Петровский, выделяя каждое слово, – дай мне три дня. Если проблема не решится, я тебе слово даю, дам Фролову команду сниматься с выборов. Так устроит?! – он посмотрел на Асхата с настоящей неподдельной яростью.

– Очень хочется надеяться, что ничего не произойдет за эти три дня! – заявил Асхат, выдерживая горящий злобой взгляд, – тебя сильно заносит в последнее время, Костик. Ты бы задумался...

С этими словами он, не говоря больше ни слова, вышел из машины, сильно хлопнув дверью. Похоже, совместная поездка отменялась. Петровский проводил его нехорошо блестящим взглядом. А затем завел машину и резко тронулся с места. Заезавшиеся студенты бросились враспынную, потому что он, даже не сбавляя скорости, вдавил гудок и яростно замигал фарами, едва не сбив минимум одного. Окатив не успевших достаточно далеко отскочить грязью, Петровский, даже не притормаживая, выскочил на дорогу и умчался прочь, грубо обходя другие машины и нарушая все возможные правила.

– Следует понимать, что состав преступления отсутствует, если хотя бы один из четырех...

Семенов не смог договорить, потому что в дверь коротко постучали. Он обернулся и с удивлением обнаружил, что беспокоили его посреди пары какие-то незнакомые студенты, которые, не дожидаясь разрешения, просунули головы в дверной проем.

– Антон Алексеевич, можно вас на минутку? – спросил один из них.

– У меня занятия, подождите звонка, – ответил Семенов, подняв брови, – что вы хотели?

– Антон Алексеевич, на минуту, это срочно! – не унимался студент, – в деканате сказали прямо сейчас к вам идти...

– В деканате сказали? – с иронией переспросил Семенов и повернулся к аудитории, – ну что ж, куда нам против воли начальства. Извините, я на минуту...

С этими словами он быстро вышел из аудитории и вопросительно посмотрел на двоих студентов.

– Это... Антон Алексеевич... – неуверенно начал тот, который обратился к нему, – короче, мы тут...

– Я прошу прощения, очень мало информативности! – Семенов усмехнулся уголками рта, – вы, кажется, сказали, что это займет минуту, а тратите кучу своего и моего времени на бесполезные слова-паразиты. Можете как-то поближе к делу? – потребовал он.

Студенты переглянулись.

– Это, ну нам бы зачет поставить, – сказал, наконец, тот же самый.

– Ну а я-то тут причем? – Семенов хохотнул, – идите к своему преподавателю и ставьте. Вы явно не мои студенты, иначе я бы вас знал! Это все? – он усмехнулся и собрался уходить.

– Мы... мы ваши студенты! – они опять окликнули Семенова. Тот обернулся и посмотрел на них в упор.

– У меня хорошая память на лица и уважительное отношение к студентам, – произнес он ледяным тоном, уже без намека на иронию, – если вы – мои студенты, почему я вас не помню?

Они вновь переглянулись, ища, что ответить.

– Антон Алексеевич, в общем, мы из двадцать первой группы, – начал один из них, понизив голос, – Федосеев и Королев, – он выразительно посмотрел на Семенова, словно фамилии должны были ему о многом сказать.

– Двадцать первая группа, помню такую, были в прошлом семестре, – Антон Алексеевич кивнул, – все, кроме двух злостных прогульщиков успешно сдали мне зачет... а, ну вот все и сошлось: Федосеев и Королев, прекрасно помню! – он опять посмотрел на них в упор, – не появлялись на моих занятиях ни разу, числились только в списках, как следствие, не получили зачет. Так чего вы от меня хотите, ребята? – Семенов посмотрел на них с откровенным сарказмом и скрестил руки на груди.

– Ну, это... – они были явно в замешательстве, – нам того... сказали, к вам подойти, вы поставите...

– Я?! – Антон Алексеевич изумленно округлил глаза, – поставлю?! Да с какого, простите, перепуга? Вы не появлялись у меня ни разу! Вы и ваш товарищ! – он кивнул на второго, – вы, извините за прямоту, нагло забили на дисциплину и преподавателя, а теперь имеете наглость требовать зачет? Нет, это слишком даже для меня – в целом, лояльного человека. Вы свободны, господа! – закончил он.

– Но это... – тот, который разговаривал с ним все время (Семенов даже не знал, кто из них кто) открыл рот, удивившись еще больше. Похоже, он был уверен, что «все схвачено». И Антон Алексеевич уже начал кое о чем догадываться, – это... нам сказали, вы поставите. Вот «экзаменационники».

Студент протянул Семенову дополнительную ведомость. Антон Алексеевич взял ее в руки и фыркнул.

– Экзаменационники выдали, – повторил он, – стесняюсь спросить, а Алексей Станиславович, когда подписывал, был поставлен в известность, что я не допускаю вас до сдачи зачета? – он посмотрел в глаза. Последние слова были произнесены отчетливо и железным тоном.

– Как... как не допустили? – студент опять округлил глаза, – нам это... сказали, вы поставите...

– Кто вам сказал? – Семенов сделал небольшой шаг вперед, постепенно заводясь, – кто вам такое мог пообещать, кроме меня, если я – ваш преподаватель?

Оба студента испуганно молчали. Антон Алексеевич переводил взгляд с одного на другого. У него уже было несколько догадок и одна выводила в основном спокойного Семенова больше другой...

– Так я жду! – повторил он, – кто пообещал вам, что я поставлю зачет? Вы скажите, может, я глупый и чего-то не понимаю?

– Ну это... – они опять опасливо переглянулись, – ну, замдекана сказал, вы все поставите. Это... а, он вам, наверное, не звонил еще? – опять неуверенный взгляд исподлобья.

– А замдекана у нас как зовут, хоть это знаете? – вкрадчиво спросил Семенов.

– Ну это... Виктор Георгиевич! – выдал студент, – он, короче, сказал, поставите... поставите? – спросил он уже немного громче.

– А чего же не поставить, поставлю! – Семенов улыбнулся, – когда отработаете все пропущенные темы до единой! – добавил он после облегченного вздоха.

– Как, но Виктор Георгиевич...

– Виктор Георгиевич! – Семенов повысил голос, – заместитель декана, а еще он преподает ТГП! Процессуальное право веду у вас я, так какое Виктор Георгиевич имеет к этому предмету отношение?!

Семенов замолчал, сердито глядя на них. Студенты тоже испуганно молчали. Он уже прекрасно все понял. Репутация Фокина была хорошо известна на факультете. Неясно только с чего тот решил, что Семенов поставит зачет прогульщикам, возможно, надеялся на привилегии, которые давала новая должность.

– Так нам что делать, – пролепетал студент. Его товарищ молчал так же, как и в начале беседы, только опасливо косился на Антона Алексеевича.

– Как всегда, целых два выхода! – насмешливо заявил Семенов, – приходите на отработку тогда, когда я их провожу, либо идти отдавать долг Родине! И, если это все, то мне давно пора вести занятие!

– Но...

– До свидания, ребята! – не вступая больше в бесполезные разговоры, Семенов резко развернулся и вошел в аудиторию, с силой захлопнув за собой дверь, – извините! – обратился

он уже к студентам, сидевшим за столами, – в мире хватает идиотизма. Но мы продолжим, хоть нас и отвлекли, постараюсь все же закончить до звонка...

Петровский настойчиво звонил дверь, пока Марина не открыла. Когда дверь, наконец, отворилась, он толкнув ее от себя, быстро вошел внутрь и, схватив ее за плечи, прижал к стене, впившись в губы.

– Костя...

Петровский, не слушая, с силой захлопнул дверь и обхватил Марину за талию, с каждой секундой прижимая к стене все больше. Она начала сопротивляться и пытаться оттолкнуть его от себя, но он держал крепко.

– Костя... Костя,пусти! – она на секунду оторвала от него свое лицо. Петровский чуть ослабил хватку, – может, хотя бы, «привет» скажешь? – Марина сердито посмотрела на него.

– Привет... – процедил Петровский, вновь впиваясь в ее губы.

– Костя... Костя, нет! – она с силой оттолкнула его, наконец, сумев высвободиться. Петровский, не ожидавший такого сопротивления, пошатнулся и врезался спиной в стену.

– Ты что творишь? – прошипел он через секунду, коршуном уставившись на Марину.

– Я? – прошептала она, – это ты что творишь?

С этими словами Марина развернулась и быстрым шагом ушла в гостиную. Петровский, даже не разуваясь, последовал за ней.

– Я не понял! – начал он, постепенно заводясь, – я перед тобой в чем-то провинился или у тебя дни?!

– Во-первых, не смей хамить! – Марина резко обернулась и уставилась на него своими большими глазами, в которых явственно читались гнев и обида, – во-вторых, Костя, тебе не кажется, что это уже ненормально? Последнее время ты почти ничего не говоришь, мы вообще почти не разговариваем. Прости за прямоту, ты приходишь сюда, либо зовешь меня, затем мы тупо трахаемся, а потом ты просто сваливаешь, ничего не объясняя! Костя, это уже перестает быть нормой, я тебе кто, индивидуалка?!

Выпалив это, Марина села на диван и положила голову на руки.

– Марина... – процедил Петровский, стиснув зубы, – у меня сложный период...

– Сложный период, так давай поговорим! – Марина резко подняла голову, – я – твоя девушка и могу тебя выслушать, поддержать, понять, в конце концов...

– Нет, – отрезал Петровский, глядя в стену дикими глазами, – не сможешь...

– Да куда уж мне, я же тупая, да?! – она моментально взорвалась, – так найди себе умную, что ж ты со мной такой непутевой водишься?! – из ее глаза выкатилась слеза.

– Я этого не говорил, – Петровский сглотнул подступивший к горлу ком, – перестань плакать...

– А кто... кто довел? – Марина всхлипнула и снова попыталась вытереть слезы, – Костя, зачем ты...

– Понятно, – прошипел Петровский, – я плохой... я у всех у вас плохой. Как вы все уже меня достали!!! – он со всей силы ударил кулаком в стену. Посыпалась штукатурка. Петровский повернулся к заплаканной Марине и несколько секунд яростно смотрел на нее. А затем, ничего больше не говоря, быстрым шагом покинул квартиру, вновь хлопнув дверью так, что в прихожей упала со стены фотография.

Марина еще несколько раз всхлипнула. Затем встала и, стараясь успокоиться, направилась в прихожую. Упавшая со стены фотография в рамке, на которой она была запечатлена совсем еще маленькой с давно покойными родителями, смотрела на нее треснувшим стеклом. Вытирая слезы, Марина осторожно собрала осколки и унесла фото в разбитой рамке в комнату.

Макаров вышел из здания спорткомплекса и с наслаждением вдохнул свежий весенний воздух. Снег почти повсеместно растаял, температура давно и прочно установилась плюсовая, на Сергее была распахнута до середины кожаная куртка и привычная спортивная сумка через плечо.

Он спустился по ступенькам и неторопливо двинулся в сторону ближайшего пешеходного перехода. Он не любил ездить на такси, хотя теперь, наверное, уже мог себе позволить, работа «в фирме у Кости» приносила стабильный и немаленький доход. Но Сергей предпочитал пешие прогулки, особенно после тренировок.

Он пропустил каких-то женщин с колясками и двинулся к проезжей части. Светофора на этом участке не было, просто «зебра», по которой уже начала переходить какая-то молоденькая девушка, убедившись, что водитель с правой полосы ее пропускает. Сергей немного замедлил шаг, решив не задерживать порядочного водителя и перейти дорогу чуть позже.

В этот момент на улице появился типичный заниженный «таз», которые с недавних пор стали входить в моду. Из дешевой, явно не раз «рукотворно» модифицированной машины долбила музыка, а на стеклах красовалась запрещенная «глухая» тонировка. Автомобиль нетерпеливо погудел, после чего резко обогнул водителя справа и влетел на пешеходный переход прямо наперерез девушке.

– Осторожно! – закричал Макаров.

Среагировать девушка не успела. «Таз» вновь неистово загудел и, подрезав ее, задел углом, по инерции проехав дальше. Девушка вскрикнула и упала на проезжую часть. Водитель справа, видимо испугавшись, моментально вдавил газ и покинул место происшествия.

Не раздумывая, Сергей сбросил с плеча сумку прямо на землю и бросился к ней. Та, морщась от боли и держась за ногу, пыталась подняться с земли. Машина виновника тем временем резко сдала назад и встала, как вкопанная.

– Вы в порядке? Целы? – Сергей присел рядом и взял ее за плечи.

– Нога... – выдохнула девушка, вновь поморщившись.

– Осторожно... сейчас я вам помогу...

– Ты куда прешь, овца?!

Из машины тем временем выскочили двое «ребят с района», вполне типичных для такого агрегата и бежали к ним. Водитель агрессивно размахивал руками и выкрикивал непечатные выражения.

– Ты сам куда прешь, здесь пешеходный переход! – Сергей поднялся на ноги и, убедившись, что девушка может худо-бедно стоять сама, развернулся к виновникам аварии.

– Слышишь, тебя спрашивали, надо больше всех, иди на х...р отсюда! – рявкнул водитель уже на него.

– Ты больной или как, ты соображаешь, что делаешь?! Это лишение прав! – Сергей, окончательно разозлившись, сделал резкий шаг вперед.

– Умный, б...ь?! Иди отсюда! – опять заорал водитель, подойдя вплотную. Приятель встал чуть сбоку, сверля Сергея недружелюбным взглядом. Девушка наблюдала за этой перепалкой со смесью страха и пусть небольшой, но радости, что хоть кто-то вмешался.

– Я тебе сейчас так пойду... – Сергей сделал последний шаг навстречу и сказал уже тихо и очень зло, – мне запрещают применять на улице то, чему учат там, – он указал глазами на здание спорткомплекса, – но для тебя сделаю исключение, так что не зли меня, понял, ошибка природы?! – Сергей чувствовал, что опять свирепеет и употребляет выражения, ранее несвойственные для него, но остановиться уже не мог, как и в той ситуации с мужиком на рынке, –

и сломанный нос будет меньшей из твоих проблем, потому что прав ты теперь лишишься надолго, я лично в ГАИ все засвидетельствую...

– Антох, ну его на х...р, валим отсюда! – приятель дернул «Антоху» за рукав.

Водитель с ненавистью посмотрел на Макарова, после чего вместе с приятелем ринулся к своей машине, высказывая себе под нос все, что думает о Сергее и что с ним следовало бы сделать.

– Эй, куда... – выкрикнул вслед Макаров, но «таз», взревев двигателем, уже тронулся с места. Напоследок пассажир высунулся из окна и, показав соответствующий жест, пожелал Сергею «всего наилучшего». Наплевав на них, Макаров вновь подбежал к девушке.

– Вы можете идти?

– Я... попробую... ой! – она наступила на больную ногу и вновь скривилась от боли. Вместо того, чтобы вступить в дальнейшие переговоры, Сергей просто поднял удивившуюся до глубины души пострадавшую и под гудки других машин оттащил с проезжей части и усадил на ближайшую лавку, после чего осторожно взял за больную ногу.

– Вы не бойтесь, я разбираюсь! – сообщил он, посмотрев в ее удивленные и все еще испуганные глаза. Только сейчас Макаров разглядел, что девушка была весьма и весьма привлекательной. Правильные черты лица, собранные в хвост светлые волосы, карие глаза, что вообще было редкостью для блондинок. Хотя, она могла быть и крашеной. Или в линзах. Или и то и другое сразу. С фигурой у пострадавшей тоже было все в порядке. На ногах красовались обтягивающие леггинсы, сверху ее прикрывал фиолетовый пуховичок, впрочем, не скрывавший достоинств, которыми природа ее совсем не обделила.

– Вы врач? – зачем-то уточнила она.

– Нет, – Сергей улыбнулся девушке, – я не врач, я юрист. Я спортом занимаюсь, там у нас травмы – частое явление. Вот так больно?

– Нет, – она лишь покачала головой.

– А так? – снова отрицательный кивок, – вот здесь давя, больно?

– Ой!

– Понятно, – Сергей кивнул, – ушиб приличный, но это только ушиб, переживать не стоит, вам повезло, это пройдет. Уроды, конечно, оттаяли по весне! – он сердито посмотрел в сторону дороги, – я номер и марку машины запомнил, надо будет, наверное, в ГАИ сообщить, он за такое без прав останется...

– Да нет, не надо... – девушка устало отмахнулась, – жива и слава богу. Спасибо вам большое.

– Было бы за что! – Макаров снова улыбнулся, – любой бы...

– Ага, как же, любой! – она скривилась, – видели, как тот водитель улепетывал, когда они из машины повыскакивали? И так все: будут в сторону смотреть, хоть бы и убили меня тут. А вы не побоялись, заступились, так что спасибо вам огромное!

– Я – Сергей! – выпалил Макаров неожиданно даже для самого себя. Пострадавшая ему очень понравилась, хотя с девушками общение у него строилось в основном туговато. Да нет, сейчас пошлет подальше...

– Даша! – она улыбнулась и попыталась встать с лавки, но больная нога вновь дала о себе знать и Дарья, сморщившись от боли, вновь резко села.

– Сидите-сидите, я сейчас такси вызову! – засуетился Сергей, – вы где живете, я вас отвезу! Нет, Даша, вы не подумайте, что я там пристаю или что...

– А я ничего не думала, отвезите, если вам некуда спешить! – Дарья улыбнулась, – вы мне тоже очень понравились, Сергей, вы хороший человек! И давай на «ты», я вроде не такая старая!

– Я... а, ну да! – не ожидавший такого успеха Макаров немного растерялся.

– Ты там, кажется, сумку оставил? – Даша показала глазами, – сопрут ведь!

– Ах, да! – опомнился Макаров. Он на секунду вернулся к краю тротуара и забрал спортивную сумку, после чего вернулся к сидевшей на скамейке Даше. Она рассмеялась, но не зло, не издеваясь над Сергеем, а наоборот с позитивом и расположением. Макаров, набравшись смелости, сел рядом с ней.

– Ты, вроде, такси вызвать хотел? – с улыбкой уточнила она.

– А, да! – Сергей кивнул и достал из кармана куртки сотовый телефон. Вызов машины занял пару минут.

– Еще раз спасибо! – с улыбкой поблагодарила Даша, глядя на него.

– Слушай... – Сергей на секунду замялся, но все же решился спросить, – а у тебя... ну, есть кто-нибудь? – он опасливо посмотрел на нее, ожидая какой угодно реакции.

– Ну, да, есть! – ответила Даша, очень серьезно посмотрев на него.

– Понятно, – Сергей мрачно кивнул и посмотрел в сторону. Вот и закончилась вся романтика.

– Папа, мама... подруга хорошая... ну, кот еще есть и рыбка, если считается! – Даша рассмеялась и хлопнула его по плечу, – да расслабься ты, напрягся так! Когда от этих отморозков меня защищал, смелее был!

– Ну, это знаешь ли, как раз не так страшно! – Макаров рассеянно улыбнулся. Даша тоже засмеялась в ответ.

– Да поняла я твой вопрос, нет у меня парня! – сказала она, – так что не грузись так! Слушай, а ты сказал, что спортсмен, да? Ну, про шахматы я точно не спрашиваю, а чем? – Даша с интересом посмотрела на него.

– Смешанные единоборства, – ответил Сергей.

– Ну, тогда понятно, почему тебе с гопниками проще, чем с девушками! – Даша посмотрела на него, – да не обижайся ты, я пошутила! Ты, кстати, очень вежливый для «смешанника».

– А ты думала, мы все с отбитыми головами и двух слов связать не можем?! – теперь расхохотался уже Сергей, – я, между прочим, стихи пишу! – он подмигнул Даше.

– Обязательно как-нибудь послушаю! – пообещала она, – смотри, а вон, не такси ли подъехало? – она указала на остановившуюся в «кармашке» машину.

– Да, она! – Сергей решительно встал, положил сумку на скамейку и, не вступая в переговоры, опять поднял Дашу на руки и понес в сторону машины.

– Только в багажник меня не клади, ладно? – смеясь, попросила она. Улыбался и Сергей. Похоже, день сегодня складывался удачно.

– Антон Алексеевич, привет тебе, позволишь? – Фокин убедился, что в кабинете, кроме Семенова никого нет, и осторожно вошел.

– Добрый день, Виктор Георгиевич, заходите, – Семенов приподнял взгляд от журнала, – чем обязан?

Фокин, подобострастно улыбаясь, проследовал вглубь кабинета и уселся на стул напротив Семенова, глядя на него горящими глазами.

– Как трудовой день, Антон Алексеевич? – хитро спросил он.

– Нормально, в штатном режиме, – спокойно ответил Семенов, – занятия, нагрузка... ну, вы, как замдекана и сами все должны знать, правда, Виктор Георгиевич? – он посмотрел на Фокина, слегка прищурившись. Тот кашлянул в кулак и тоже взглянул на Семенова.

– Антон Алексеевич, я чего зашел, – начал Фокин, – слушай, к тебе тут два студента должны были подойти... как же их? – он поднял глаза к потолку, – Федосеев и Королев, вот... Антон Алексеевич, у них там какие-то проблемы возникли с твоим предметом...

Фокин замолчал и выжидающе уставился на Семенова, надеясь встретить «понимание».

– Ну, если мы говорим об одних и тех же Федосееве и Королеве, то «проблемы» – это мягко сказано, – начал Антон Алексеевич, твердо глядя на Фокина, – а если своими именами: полное бойкотирование дисциплины, хамское отношение к преподавателю и своим сокурсникам! Это, если напрямую, – добавил он уже мягче.

– Ну, ладно тебе, хамское! – заговорил Фокин заискивающим тоном, – так уж и хамское? Нагрубили они тебе что ли? – он на секунду напрягся. Семенов внутренне рассмеялся над этим.

– А что, забивать на предмет – это не хамство и наглость по отношению к преподавателю и сокурсникам, которые в течение семестра добросовестно учились? – осведомился он, глядя на Фокина с легкой иронией.

– Антон Алексеевич, – начал тот, глубоко вдохнув, – ну, да, переборщили ребята, согласен. Но ошибки надо тоже иногда прощать. Ну, ты чего, сам что ли студентом не был, не прогуливал никогда? – он опять хитро подмигнул, надеясь сыграть хотя бы на этом.

– Всю дисциплину целиком – никогда! – отрезал Семенов, захлопывая журнал, – Виктор Георгиевич, чего вы хотите? – он в упор посмотрел на хитро шутившегося Фокина. Тот посерьезнел и наклонился вперед.

– Антон, да поставь ты им этот зачет, сложно тебе что ли? – горячо заговорил он, – охота на этих отработках сидеть? Ну нарисуйешь две оценки в ведомости, от тебя убудет или что? – он с надеждой взглянул на Семенова.

– А с чего бы вдруг, – очень тихо начал Антон Алексеевич, – я вообще должен им рисовать? Они на особом положении или что? Может, я чего-то не знаю, что знаете вы, Виктор Георгиевич? Может, у ребят серьезные трудности или произошла трагедия в жизни? Может, они защитили честь ВУЗа на международном уровне, именно поэтому не смогли чисто физически посещать мои занятия?! – он с неподдельным гневом посмотрел на Фокина. Тот скривился, как от зубной боли.

– Антон Алексеевич, ну что ты вечно, как... – он пожевал губу, подбирая слова, – ну что ты упираешься, что это даст? Напрямую: ты же все понимаешь, зачем тебе усложнять, все равно ничего не добьешься! Так зачем все это? – Фокин покачал головой, изображая крайнее недоумение.

– Напрямую, – зрачки Семенова сузились, а голос стал тихим и очень злым, – мое отношение к торговле образованием известно очень давно. И, **напрямую**, по-мужски: Витя, а ты не ох... л? – Семенов замолчал, очень зло уставившись на Фокина.

– Чего?! – тот побагровел, – Семенов, а ты не забыл, с кем разговариваешь?! – он стукнул кулаком по столу.

– Не шуми, не в твоих интересах! – Антон Алексеевич, подался вперед, не пасуя перед замдекана, – ты хоть понял, что именно происходит? Сам-то понял? Ты получил взятку от студентов за то, что обещал поставить предмет, который даже не ведешь! Мой предмет! Витя, тебе неизвестна моя репутация? Ты подставил не только себя, но еще и меня вместе с моим добрым именем! Ты на что вообще рассчитывал?! Что я им нарисую потому, что ты недавно стал заместителем декана? Ты что, первый день со мной работаешь?

– Семенов... – Фокин со злостью сжал кулаки, окончательно растеряв остатки вежливости, – ты хорошо понимаешь, во что ввязываешься?!

– А ты понимаешь? – отбрил Антон Алексеевич.

– Да я замдекана! – Фокин оскалил зубы, приводя последний аргумент.

– Тогда добивайся моего увольнения, может, у тебя получится! – рявкнул Семенов, – заставят увольняться – уволюсь! Но продавать свою дисциплину не буду! И идти на поводу тоже! – с этими словами он резко поднялся со своего места, – мы закончили, Виктор Георгиевич? Если да, то мне нужно закрывать этот кабинет!

Он в два быстрых шага пересек помещение и схватил с соседнего стола ключи.

– Зря ты так, Семенов, ой, зря! – прошипел Фокин, с ненавистью глядя на Антона Алексеевича.

Селиверстов забрал дипломат с пассажирского сиденья и закрыл машину. На улице уже окончательно стемнело, сегодня проректор задержался в ресторане с дамой, правда первое свидание прошло не столь успешно, как он рассчитывал. Из-за того, что весь двор был заставлен, автомобиль пришлось оставить через несколько подъездов от своего, у самой арки. Селиверстов убедился, что машина надежно закрыта и неторопливо направился к своему крыльцу в угловой части многоэтажки.

– Слышишь, дядя, закурить дай! – путь ему преградил парень в бейсболке и капюшоне. В темноте его лицо было вообще невозможно разглядеть, чего, наверное, тот и добивался.

– Закрылся ларек, домой иди, мальчик! – насмешливо посоветовал уверенный в своих деньгах и связях проректор. Да и потом, парень был явно моложе, что он вообще мог ему сделать? Олег Васильевич полагал, что уверенное поведение отпугнет хулигана. Но он ошибся...

– Че сказал, какой я тебе мальчик, Вася?! – парень угрожающе шагнул вперед, – тебе в падлу нормальному пацану сигу дать, ты, цесарка надутая!

– Сказал, нет сигарет, не курю, пройти дай! – потребовал Селиверстов.

– Слышишь, я не понял, что происходит, э, ты! – в этот момент из темноты арки показался еще один, – ты дерзкий самый, алло?! – этот приблизился к Селиверстову со спины. Вот теперь ему стало по-настоящему страшно. Кричать было бесполезно, район был новым, по ночам безлюдным, а среди ночи никто не выглянет из окна посмотреть, что происходит и уж тем более не придет на помощь.

– Ребят, отстаньте по-хорошему! – дрожащим голосом начал Селиверстов, – проблем же потом будут, я проректор...

– Да хоть премьер-министр, ты кому проблем создать решил, ты?! – тот, что стоял перед ним, резко толкнул в грудь. Селиверстов инстинктивно шагнул назад, второй хулиган в тот же момент пихнул его в плечо. Первый прыгнул вперед и схватил за руку, в которой проректор сжимал дипломат.

– Чемодан гони, что там у тебя? Давай сюда, сказал, слышишь! Э!

– Да пошел ты на хрен, урод!!!

Селиверстов взорвался. Он никогда в жизни по-настоящему не дрался. Никогда этого не умел. Но факт того, что на него сейчас наезжали два подростка, да еще пытались нагло отнять чемодан, вывел проректора из себя. Он, как умел, толкнул хулигана в грудь, морально уже готовясь к тому, что сейчас его начнут избивать. Неожиданно это возымело эффект. Парень полетел назад и, споткнувшись, упал на асфальт.

– Ах ты тварь! – второй хулиган попытался ударить Селиверстова в лицо. Тот неуклюже уклонился. И вновь повезло! Кулак хулигана пролетел в нескольких сантиметрах от челюсти проректора, а сам нападавший потерял равновесие и тоже едва не упал, но удержался на ногах.

– Да отвалите вы, выродки! Чего ты хотел, сопляк?! На! – ярость уже закипела в душе Селиверстова. Он несколько раз ударил хулигана по спине. Тот развернулся и попытался ответить, но Селиверстов опять махнул кулаком (бить по-настоящему его никто не учил), метя куда-то в центр капюшона. Попал он во что-то твердое, костяшки пальцев отозвались резкой болью, но проректор, не обратив внимания, прыгнул вперед и, поверив в свои силы, сбил хулигана с ног.

Второй, похоже, оправившись от падения, набросился сзади и обхватил Селиверстова за плечи.

– А ну отвали, мразь! – проректор освободился от захвата и принялся теснить нападавшего, осыпая ударами, маша руками, куда придется...

– Сиплый, валим! – выкрикнул второй. Оба хулигана, пригибаясь, ринулись куда-то в переулок, подальше от разъяренного проректора.

– Вот так вам, салабоны, валите к гребаной матери! – завопил им вслед Олег Васильевич. От осознания того, что он, человек, который никогда в своей жизни не дрался, только что одолел двух хулиганов, мозг пьянел, а самого проректора тянуло на подвиги, – еще раз увижу – ноги оторву! Сопляки...

Селиверстов наклонился и поднял оброненный во время схватки дипломат. А затем огляделся и, крайне довольный собой, с улыбкой и напевая себе что-то под нос зашагал к своему подъезду.

– Да! Я все понял! – Петровский кивнул и убрал мобильный в карман. Затем посмотрел в зеркало заднего вида. Машина Фролова как раз въезжала на территорию гаражного массива, слепя ксеноновыми фарами.

Петровский вышел из своего автомобиля и сделал несколько шагов навстречу. Фролов припарковался и тоже вышел, вопросительно глядя на приятеля.

– Здорово, Костян! – сказал он немного напряженным голосом.

– Здорово! – Петровский коротко пожал ему руку.

– А что встречаемся-то так далеко? – Дмитрий опасно огляделся по сторонам, словно боялся чего-то. Хотя, кроме самого приятеля и однокашника, вряд ли что-то могло вызвать у него больший страх. Да и взгляд у Петровского был каким-то нехорошим, с недобрим блеском. Или это просто была игра света и его, Фролова, воображения...

– Ушей много лишних. И глаз, – опять лаконично пояснил Петровский, – ну что, Димас, все сделал?

– Да, все, – Фролов кивнул и извлек из кармана сотовый.

– Точно не сдрейфил? – уточнил Петровский, – смотри, я не заставляю. Он намеренно поставил вопрос именно так, чтобы гордость Фролова уж точно не позволила отказаться.

– Я же здесь, – Дмитрий пожал плечами, – не знаю, зачем тебе это и что ты планируешь делать дальше, но слушай...

С этими словами он включил запись и, скрестив руки на груди, встал к приятелю впол-оборота. Петровский покосился на него и стал слушать второй разговор с проректором Селиверстовым.

– Олег Васильевич, я хорошо подумал. И я не хочу отказываться от выборов в президенты профсоюза...

– Да? А по-моему, ты плохо подумал. Может, пойдешь и подумаешь еще?

– Нет... нет, я подумал хорошо. Я буду участвовать, это мое окончательное решение...

– Смотри-ка, какой уверенный в себе молодой человек. И что, не боишься трудностей, а? – в голосе послышалась плохо скрытая угроза. Затем последовала небольшая пауза и снова ответ Фролова.

– Олег Васильевич, я... я вас прекрасно понял. И... вы меня не запугаете. Я буду участвовать, я знаю свои права... я знаю, кто вы, но больше не потерплю угроз...

– Что ты сказал?!

– Я... я сказал, что не боюсь ваших угроз. Если будете дальше на меня давить, я буду жаловаться...

– Послушай меня, сопляк, ты, видно, не понял, с кем разговариваешь?! Может, тебе объяснить по-другому?!..

Петровский выключил запись и аккуратно убрал телефон Фролова в свой карман.

– Хорошо, – негромко сказал он, – этого достаточно...

Петровский посмотрел на начавшего поворачиваться к нему Дмитрия. А затем без предупреждения со всей силы ударил его в нос. Не ожидавший такого от приятеля Фролов вскрикнул и пошатнулся, одновременно сглотив собственную кровь. Петровский сделал резкий шаг вперед и добавил коленом в пах, отчего Дмитрий инстинктивно согнулся. А затем нанес новый сильный удар сбоку в голову...

Фролов окончательно потерял равновесие и, упав, ударился о борт собственной машины. Такой агрессии от друга он не ожидал и потому не мог ни защищаться, ни адекватно среагировать, лишь скуля, прижался к машине, закрывая разбитое лицо руками. Петровский опять шагнул вперед и, воспользовавшись тем, что Фролов приподнял голову, зарядил в глаз.

– Костян... Костян, ты чего?! – всхлипнул Фролов, держась за разбитое лицо красными от крови руками. Нос был разбит, под глазом образовался приличный синяк, из рассеченной брови тоже текла кровь...

– Тихо, тихо, тихо, тихо... – Петровский опустил рядом с ним на корточки и попытался взять за руки.

– Костян... Костя, зачем?! – Фролов заплакал, дрожа всем своим крупным телом, – Костя, что я тебе сделал, за что ты со мной так?! – он зашелся истеричными рыданиями.

– Все, все, все... – Петровский насильно убрал его руки от лица и осторожно взял за голову, – все, все, все... все. Больше не буду. Давай, успокаивайся...

Фролов еще некоторое время продолжал всхлипывать. Он не был трусом или слабым человеком, но этот поступок Петровского выбил его из колеи. Он не ожидал такого, не понимал, за что его так избили и от этого никак не мог вернуться к реальности.

– Все, все... – Петровский провел рукой по его голове, – прости. Прости меня. По-другому было нельзя. Давай, Димас, успокаивайся. На, закури...

Петровский вставил в рот приятеля сигарету и поджег ее. Фролов несколько раз лихорадочно затаился. Затем, наконец немного придя в себя, сделал уже более размеренную тягу. Он тяжело дышал и с дикой обидой и непониманием смотрел на Петровского.

– Ладно, хорош на асфальте сидеть, простатит ждать! – Петровский похлопал его по спине, – пойдём ко мне в машину, обсудим!

Фролов медленно поднялся на ноги и проследовал за Петровским к его автомобилю. Сев на пассажирское сиденье, он стал обиженным взглядом смотреть куда-то в сторону.

– На салфетку, а то кровь идет! Вискарь сзади есть, смочи! – посоветовал Петровский, – ты прости меня, Диман, что вот так. Но по-другому было нельзя... сам же хотел до конца.

– Я внимательно тебя слушаю, – процедил Фролов, повернувшись к приятелю, – рассказывай, какого лешего только что чуть не убил меня. Придурок конченный...

– По поводу конченого придурка пропущу мимо ушей! – Петровский улыбнулся, – ладно, Димас, слушай, как все теперь нужно обставить...

– Вот такие вот дела, Слав, – Макаров доел и вытер губы салфеткой, – слушай, сколько там накапало? Давай в этот раз хоть заплачу, ну что я повадился на халяву есть?

– Не надо! – Логинов опять улыбнулся, – до свидания, приходите еще! – бросил он вслед удалявшимся гостям.

– Не представляешь, как неудобно, – Макаров покачал головой.

– Я тебе сказал: проехали, – повторил Славик, – значит, Серега, ты с красивой классной девчонкой познакомился? Ну что, рад за тебя, рад, поздравляю! – он показал сжатый кулак, – а этих что, руки чешутся наказать? – Славик хитро подмигнул.

– Да не о мести речь, Слав, понимаешь, – Макаров откинулся на спинку дивана, – но просто они ведь могут опять начудить. Сбить кого-нибудь, и все уже не закончится так же благополучно. Понимаешь меня? – Сергей выразительно посмотрел на Логинова.

– Прекрасно понимаю, – кивнул тот, – мир спасти хочешь. Не напрягайся, я шучу! Ну, и что думаешь предпринять? – он слегка приподнял брови.

– Ну, я номер машины запомнил, – неуверенно начал Сергей, догадываясь, что Логинов опять станет шутить, – надо, наверное, в ГАИ ехать, показания дать. А там полный набор: наезд на пешеходном переходе, уход с места ДТП. Лишение – это сто процентов...

– А оно надо? – Славик цокнул языком, – представляешь, какая это тяжба? Потом вызовы, допросы, показания, суды... Дашу эту твою затаскают. А у вас, как я понял, все начало складываться, – Логинов улыбнулся, – и ты хочешь втянуть ее в разборки с этими гопниками?

– Слав, а как? – осведомился Макаров, – как еще быть уверенным, что эти клоуны еще кого-нибудь не собьют?

– Не должен это говорить, конечно... – Славик сложил руки за головой и потянулся, – но проще всего взять Джамала и съездить настучать им по голове. Он, уверен, от внеплановой тренировки не откажется. А найти их по номерам через одну Костиковскую ниточку тоже можно, было бы желание...

– Что? – Сергей опешил, – поехать и избить их? Но это же противозаконно! Нет, я понимаю твою иронию, но они даже элементарно могут в полицию...

– Да ничего они не могут! – Славик с улыбкой перебил, – судя по твоему описанию – типичная гопота. А у них там свои правила, пацанские понятия и все такое. И вот по их понятиям писать заявление в полицию, как они это называют: «пойти по красной теме» – грубое нарушение кодекса, ты автоматически становишься опущенным. А попытаться отомстить так – они тебя даже не знают, найти не смогут. А даже если смогут, тебя все прикроют и я, и Костик и остальные...

Макаров удивленно смотрел на Логинова.

– Славик, ты на полном серьезе предлагаешь мне пойти и избить этих парней? – проговорил он.

– Да я ничего не предлагаю, это тебе решать! – весело ответил тот, – как бы ни поступил, все равно будешь прав по-своему. Но точно тебе говорю: решать через ГАИ – мимо. Еще и имя свое в свидетельских показаниях светить, оно надо? Я не навязываю тебе и сам не люблю разговаривать на языке силы, но понимаешь, Сереж... есть, к сожалению, люди, которые только его и понимают...

Логинов выразительно посмотрел на Сергея. Тот невольно вспомнил инцидент на рынке. Что ж, действительно, бывают такие люди. И попадаться они на его пути стали что-то слишком часто...

– Ладно, Серег, ты поел? – Славик решительно встал, – ты прости, мне работать надо! А потом еще на пятую пару бежать! Давай, заходи почаще! – он пожал Макарову руку и удалился в служебное помещение. Сергей проводил его взглядом и, вздохнув, уставился в окно.

– Вы ко мне? – ректор окинул приемную слегка удивленным взглядом.

– Я да, к вам! – Фролов осторожно поднялся со стула и протиснулся к двери, – я... по очень важному вопросу.

– Ну, что ж, заходите, раз так, – ректор НГПУ Сергей Анатольевич пропустил Фролова в свой кабинет, – не могли залечить боевые ранения, а потом уже приходите...

– Я... я как раз по этому вопросу, – неуверенно проговорил Дмитрий, обернувшись.

– По этому вопросу ко мне? – ректор показал на лицо Фролова и удивленно поднял брови, – молодой человек, я вообще-то ректор ВУЗа, доктор наук... если на вас напали, это вам в полицию...

– Я... нет, я именно к вам, – пробормотал Фролов, – я в полицию идти боюсь. Я сейчас все объясню...

– Ну, что ж, присаживайтесь, попробую вам помочь, если это вообще в моей компетенции, – Сергей Анатольевич все еще был крайне удивлен. Он сел в свое кресло напротив Фролова и посмотрел на него, – я вас слушаю...

– Понимаете, меня зовут Дмитрий Фролов, я – студент вашего ВУЗа и кандидат в президенты профсоюзной организации, – начал Дмитрий, глядя куда-то в стол.

– Активист, это хорошо, – оценил ректор, – активисты ВУЗу нужны, особенно, если они настоящие, а не где-то там, за поблажки в учебе. Так я вас слушаю, в чем ваша проблема?

– Понимаете... – Фролов посмотрел на ректора исподлобья и, собравшись с силами, выдал, – мне угрожали. Требовали снять кандидатуру с предвыборной гонки. А когда я отказался...

– Так вот оно что! – Сергей Анатольевич перебил, – Дмитрий, я обещаю вам анонимность, если вы кого-то боитесь, только скажите, кто из студентов вам угрожал, и кто вас избил, и завтра же они не будут учиться в нашем университете! Нет, это же надо! Вы правильно сделали, что пришли ко мне, не думай, Дмитрий, что это стукачество или что-то подобное, беспредела в ВУЗе допускать нельзя. Ну, я им устрою! Так кто?

Ректор выжидающе смотрел на Фролова. Тот выдержал небольшую паузу, все-таки было очень страшно а затем, собрав остатки храбрости, выдал:

– Селиверстов Олег Васильевич. Это он сделал...

Дмитрий вновь опустил взгляд, ожидая уже чего угодно. Ректор изумленно округлил глаза и откинулся на спинку кресла. Некоторое время в кабинете висела гробовая тишина. Затем Сергей Анатольевич спросил:

– Селиверстов? Проректор по воспитательной работе и социальным вопросам? Ты хочешь сказать, что тебя избил проректор?! Это очень серьезное обвинение, Фролов! Ты уверен, что тебе не показалось? – он во все глаза смотрел на Дмитрия. Тот глубоко вдохнул и, не поворачиваясь к ректору, продолжил:

– Я и сам бы не поверил, я понимаю, что вы мне не верите. Но все произошло именно так, Сергей Анатольевич. Понимаете, он и раньше мне угрожал... он лоббирует на это место другого студента моего факультета. Стаса Удалова. Он вызывал меня к себе и требовал отказаться от выборов, вы можете проверить, секретарша видела, другие люди видели, как я к нему приходил... – на секунду Фролов замолчал и покосился на ректора. Тот сидел и напряженно слушал. Фролов продолжал: – понимаете, когда он начал угрожать, я очень испугался. Я знал, что мне никто не поверит и стал записывать разговоры с ним. Вот...

С этими словами Дмитрий выложил на стол телефон и включил ту самую запись, которую накануне ночью давал прослушать Петровскому. Сергей Анатольевич слушал, и с каждой секундой его глаза наливались кровью. Наконец, запись оборвалась.

– А дальше... – Фролов шумно сглотнул, – дальше он... он ударил меня. А потом еще раз. И еще... я не знал, что делать, он же проректор. Я не знаю, к кому мне обратиться, я боюсь идти в полицию, поэтому я пришел к вам. Не знаю даже, зачем я все это рассказываю, я просто боюсь...

Фролов опустил голову, изображая крайнее смирение и отчаяние. Ректор барабанил пальцами по столу. Через некоторое время он тяжело вздохнул и в упор посмотрел на Дмитрия.

– Родителям это рассказывал? – уточнил он.

– Нет... – прошептал Фролов, – побоялся...

– Понятно. Ты молодец, что пошел не в полицию, а ко мне, – Сергей Анатольевич наклонился к Дмитрию и понизил голос почти до шепота, – Дима, а что, если я попрошу тебя не давать этой истории ход и никому не рассказывать о том, что случилось на самом деле? И уж тем более не писать заявление в полицию? Нет, я понимаю, как для тебя это звучит, и каково тебе сейчас! – он поднял руку, – но Дима! Очень тебя прошу, войди и ты в мое положение! Если все, что ты говоришь – правда, ты представляешь, какой это удар по репутации ВУЗа? Прошу, просто пойми меня и не думай, что такой урод и просто своих защищаю! Скажи, если я пообещаю тебе, что во всем разберусь, а Селиверстов больше на пушечный выстрел к тебе не подойдет и, даю слово, если твои слова подтвердятся, будет наказан, мы сможем оставить этот разговор в этих стенах?

Сергей Анатольевич с надеждой смотрел на Фролова. Похоже, он поверил. Нужно было как можно скорее прекращать разговор и уходить. Только не слишком резко и не показывать радости, что удалось...

– Я... я просто хочу, чтобы мне перестали угрожать, – тихо произнес он, – вот и все...

– Я тебя понял, Дима, – решительно сказал Сергей Анатольевич, – я все понял. Обещаю тебе, что никто тебя не тронет. И... и на мою поддержку ты тоже всегда можешь рассчитывать. Об одном прошу, Фролов! Пожалуйста, никому не рассказывай, что произошло, хорошо?

– Обещаю, Сергей Анатольевич! – выдохнул Фролов, – спасибо вам. Спасибо большое. Я просто очень боюсь, я хочу здесь учиться и приносить пользу... – добавил он после секундной паузы.

– Будешь, я тебе слово даю! – заверил ректор, – ладно, Дима, мы друг друга услышали и поняли. Сейчас иди. Если будет нужно, я тебя вызову.

– Спасибо! – пробормотал Фролов и быстро исчез за дверью.

– Ну как? – спросил Петровский, чуть наклонив голову.

– Страшно, Костя... страшно до чертиков! – выдохнул Фролов, вжимаясь в спинку автомобильного кресла, – сидеть там, внаглую врать... я думал, сдохну!

– Я не об этом спросил! – Петровский криво ухмыльнулся, – ректор что тебе сказал?

– Обещал разобраться, – недовольно пробурчал Фролов, – Костян, ты вообще понимаешь, что когда он разберется и обман раскроется, мне конец?! Хана! – выкрикнул он срывающимся голосом.

– Ничего не будет! – с циничной усмешкой заверил Петровский, – ты, главное сам на какой-то период времени поверь, что это Селиверстов тебя отоварил! – он кивнул на лицо приятеля.

– Как у тебя все просто... – проговорил Фролов сквозь зубы, глядя на Петровского с дикой злобой.

– А в жизни вообще все просто, просто люди любят все усложнять! – тот не переставал ухмыляться, – говорю тебе, этого типа вызовут, у него кулаки в мясо разбиты, парни постарались... у тебя вся рожа разукрашена! Сидишь в кабинете у ректора, трясешься... какие еще нужны факты? Это если бы ты в ментовку пошел, разбирались бы досконально, а тут... – Петровский отмахнулся, – ректор – мужик принципиальный, но и бучу вокруг всего этого крутить не станет. Видел, кстати, на чем ездит? – Петровский прищурился.

– «Форд», вроде... – задумчиво ответил Фролов, – но реальный такой...

– Квартиру бы поставил, кредитный! – Петровский презрительно фыркнул, – а все остальные? «Мерины», «бимеры», «авдоты»? Говорю, честный дядька, что-то сродни нашему Семенову! Но и репутацией ВУЗа дорожит, хотя и знает, в каком осинном гнезде работает. Нет,

полная проверка – большой риск утечки. Думаю, скорее всего, вышибет он этого Селиверстова по-тихому...

– А если не вышибет?! – Фролов агрессивно посмотрел на Петровского, – тогда что, решала?!

– Да нам даже этого, в принципе, не требуется, – спокойно ответил Петровский, немного покрутив руль, – факт в том, что он теперь никак не сможет усложнить тебе жизнь. За ним же теперь глаз да глаз. Он и на пушечный выстрел не приблизится! А если что... – Петровский сделал характерное движение рукой у горла.

– А Удалов?

– А что Удалов? – Петровский скривился, – без Селиверстова он – никто. И на выборах тебе не конкурент, так что можешь смело забыть о нем. Нет, ну если тебе факт его присутствия жить мешает, могу подумать, что с ним можно сделать... – он вновь нехорошо улыбнулся.

Фролов несколько секунд посмотрел на приятеля и покачал головой.

– Знаешь, мне кажется, я реально боюсь тебя, Костян, – произнес он, – ты меняешься с каждым годом. И по ходу реально становишься все опаснее и страшнее...

– Сочту за комплимент! – хмыкнул Петровский.

– Тебе весело, я смотрю, – проговорил Дмитрий, – а мне вот нет. Во что ты меня опять втягиваешь, Костя? Во что ты играешь? Мы вот-вот перейдем Рубикон. И пути назад не будет...

– А мы его уже перешли! – парировал Петровский, – и давно, Дима, очень давно. Нет, если струсил, путь назад есть, мостов мы не жгли. Только ты сам себя не поймешь, – Петровский пристально посмотрел Фролову в глаза, – ты популярен, богат и имеешь то, о чем большинство в твои годы не смеет и мечтать! Что тебе еще нужно от жизни, Дима? А в скором времени ты еще станешь фактически первым студентом ВУЗа! Ты бы, кстати, не забывал добро людей, которые тебе помогли...

Фролов внимательно посмотрел на Петровского. Глаза приятеля горели тем самым, уже знакомым в последнее время нехорошим огоньком.

Антон Алексеевич зашел на свою кафедру. Журнал, который он во время «окна» собирался заполнить, лежал на столе и сразу бросился в глаза. Поздоровавшись с собиравшимися на занятия коллегами, он уже собрался идти в кабинет, как вдруг что-то привлекло его внимание.

Он посмотрел в ту сторону, где находилось рабочее место его заведующего – Юрия Альбертовича. Рядом с его столом спиной к Семенову стояли два студента. Антон Алексеевич приоткрылся повнимательнее и узнал их: Федосеев и Королев! Те самые студенты-прогульщики, которые требовали зачет. Переведя взгляд чуть ниже, на стол заведующего, Семенов увидел две зачетные книжки, которые тот в данный момент подписывал...

– Антон Алексеевич, хотели что-то? – заметив его, Юрий Альбертович поднял глаза.

– Нет, – коротко ответил Семенов, сжав кулаки за спиной, – я ничего не хотел...

Не задерживаясь на кафедре больше ни секунды, Антон Алексеевич схватил со стола журнал и направился в свой кабинет. Закрыв дверь на ключ, Семенов швырнул журнал на стол и сел на свое место, уставившись в окно. Поставили. Его предмет. В обход него. Нашли все-таки способ. И Юрий Альбертович туда же. Хотя, словно он и раньше не знал... да нет, знал конечно, просто это уже было совсем оскорбительно...

Антон Алексеевич достал из шкафа бутылку конька, который подарили выпускники-дипломники. А затем откупорил ее и сделал большой глоток прямо из горла.

Антоха вышел из подъезда и, поигрывая ключами, направился к своей «ласточке». Под нос он напевал недавно услышанную приставучую песенку, в зубы только что сунул сигарету. Машина стояла прямо под окнами его квартиры, которую ему снимали родители, сами жившие в другом районе. Сынуля решил раньше времени заделаться самостоятельным. Он засунул ключи в замок...

– Ну привет! – кто-то сзади резко окликнул его.

– Ты?! – обернувшись, Антоха вытаращил глаза, – ты как... чего тебе здесь надо?!

– Чтобы ты понял, что надо уважать других людей и смотреть вокруг, особенно, когда находишься за рулем! – ответил Макаров, в упор глядя на него.

– Чего?! – Антоха скривился, – ты больной, паря? Вали отсюда на хрен, ща пацанам отзвоню, рога сломают...

– Ну, понятно, – тихо сказал Макаров, кивнув, – значит, прав был Славик...

– Чего?!

Вместо ответа Сергей ударил его по лицу. От неожиданного и поставленного удара Антоха полетел вправо, в последний момент подставив руки, больно снеся ладони об асфальт.

– Ты, с...а...

Сергей схватил его за ворот и резко встряхнул.

– Я вижу, по-хорошему ты не понимаешь?! – выкрикнул он, – слушай сюда, если ты дальше будешь вытворять такое на дороге или еще где-нибудь, я тебе не только челюсть, я жизнь твою сломаю, понял меня?!

– Да маму я твою...

А вот была красная тряпка для быка. Сергей размахнулся и ударил под дых. Антоха закашлялся и обмяк. Макаров схватил его за волосы и, подняв, дважды ударил, разбив нос. Тот застонал, но Сергей не отпустил.

– Еще слово – добыю! – прошипел он, чувствуя, как злость вновь туманит разум, – повторяю для ублюдков: еще раз за тобой будет замечен беспредел, тебе конец! Понял меня, конец! Ты кивни, если понял! Ау!!!

Макаров вновь сильно встряхнул едва живого Антоху.

– Понял, понял... – выдохнул тот.

Макаров швырнул его на землю. Затем вскочил на ноги и, подняв оброненный им ключ, со всей силы ткнул острым концом в шину. Послышался характерный свист.

– Уроком будет! – рявкнул Сергей. С этими словами он швырнул ключ на землю, после чего быстро удалился, оставив Антоху думать о своем поведении, лежа рядом с его машиной.

Апрель 2013

Народу в актовом зале собралось не очень много. В основном, официальные лица, да друзья. Был кое-кто из преподавателей, ну и конечно все сотрудники профкома. Петровский нашел глазами Макарова, который тоже решил прийти, и подсел к нему.

– Здорово, Серег! – они пожали руки, – ну что, Руслан тебе правильный адрес дал?

– Правильный, – негромко ответил Макаров, – спасибо...

– Не за что, – Петровский бросил взгляд на сцену, – ну, и что ты сделал?

– Избил его, – мрачно сказал Сергей, – и шину проколол.

– Ну и правильно! – хмыкнул Петровский.

– Знаешь, что меня пугает больше всего? – Макаров повернулся к нему, – что мне действительно казалось это правильным. Я был почти уверен, что я поступаю правильно, понимаешь?

– Понимаю, – Петровский усмехнулся, – вот ты и стал взрослым, Сережа! Сигареты вон там, на полке, рядом с деньгами на пиво и трудовой книжкой!

– Тебе весело, Петровский? – взвился Макаров, – а вот мне нет! Знаешь, общаясь с тобой, я сам становлюсь другим. Меняюсь. Я не хотел так его избивать. И уж тем более, не хотел прокалывать шину! Но сделал это! Понимаешь, Петровский, у меня такое чувство, что мои ориентиры начали сбиваться...

– А у них они давно сбились! – хмыкнул Петровский, – людей на дорогах сбивают и уезжают, как будто так и надо... так как с ними поступать после этого? – он вопросительно посмотрел на Сергея, – так что я горжусь тобой, Макаров. Может, вскоре поймешь, какие люди на самом деле по своей природе. Ладно, давай послушаем, вон они вылезли...

На сцене появился бывший президент союза студентов. Он подошел к микрофону и, прокашлявшись, начал свою речь:

– Добрый день! Как вы знаете, я возглавлял профессиональный союз студентов в течение трех лет, – сказал Костин, – сегодня я оставляю этот пост. Но, оставляя пост, я оставляю после себя надежного и ответственного человека, который не только не уронит наше доброе имя в грязь лицом, но и преумножит накопленное...

На этих словах Петровский двусмысленно ухмыльнулся.

– Позвольте представить человека, которого вы сами выбрали, новый президент союза студентов: Дмитрий Фролов!

Послышались громкие аплодисменты. Фролов, одетый сегодня в строгий костюм, вышел на сцену. Передававший пост экс-президент пожал ему руку и указал на микрофон. Фролов подошел к стойке и, окинув взглядом собравшихся в зале, начал свою приветственную речь:

– Здравствуйте! Сотрудники, преподаватели, коллеги, друзья... спасибо всем за вашу поддержку на выборах! Заступая сегодня на эту должность, я не буду давать громких обещаний. Скажу одно: я сделаю все, чтобы вы никогда не пожалели о своем выборе...

В тот день Фролов еще много говорил. А потом все двинулись в банкетный зал, чтобы отметить назначение. Точнее, почти все. У некоторых из собравшихся были другие дела...

– Алло, Дашут! Ну, я подъехал, ты готова? – улыбаясь во весь рот, спросил Макаров в трубку. В другой руке Сергей держал внушительный букет цветов...

Они прекрасно проводили тот день. Сходили в кино, потом посидели в ресторане с живой музыкой, просто гуляли... и Макаров был счастлив. Придя домой абсолютно счастливым, он поцеловал мать и стал взахлеб рассказывать ей про Дашу и про то, как провел день. И ничто тогда не напоминало о мрачных и не самых приятных подробностях его деятельности...

Славик Логинов отбросил бумаги и откинулся на спинку кресла.

– А, к черту их, потом! – весело сказал он и достал сотовый телефон, – алло, Фрол, банкет уже закончился? Почти? Ну, как развяжетесь там, подгребайте на неофициальную часть. Все, коллег тоже бери, если хочешь! Костяна? Нет, Костяна сегодня не будет...

Петровский поднялся по знакомой лестнице и позвонил в дверь. За спиной он держал букет, которым сейчас ему с ненулевой вероятностью прилетит по лицу. А, будь что будет!

Марина открыла дверь и остановилась на пороге, глядя на него. Она молчала...

– Если захочешь послать меня, будешь права, – начал Петровский, глядя ей в глаза, – я уйду сразу и без скандала, даю слово. Но знай: мне ничего от жизни не нужно, если в ней нет тебя... вот, – он достал из-за спины букет, – хочешь – избежь меня им, я заслужил. Марин, прости меня за все... – Петровский замолчал.

Из ее глаза выкатилась слеза. Она сделала шаг вперед и, схватив его за рукав, втащила в квартиру.

12. Вавилон

4 курс. Сентябрь 2013

Сегодня был хороший день. Потому что сегодня было всего две пары. Нет, Аня задержалась после них еще с одногруппницами в кафе, сейчас доходил час дня. Но теперь она направлялась домой.

На улице было по-летнему тепло, в такую погоду учиться вообще не хотелось. А учиться, между тем, оставалось ровно два года. А потом все: диплом и взрослая жизнь... А пока все складывалось хорошо. Училась Аня неплохо, с Олегом все у них получилось, и встречались они уже достаточно давно, дело близилось к свадьбе, родителям он тоже очень нравился. Оставалось только закончить ВУЗ...

– Ну ты, кошелка! – грубый женский оклик вырвал Савельеву из размышлений.

Аня удивленно обернулась. Со стороны детской площадки к ней приближались две девицы «ПТУшного» вида. То, что намерения у них были враждебными, было понятно с одного взгляда. Она не любила конфликтов, тем более – драк между девочками. Тем более, никогда не слышала, чтобы в женском обществе, пусть даже не самом приличном, процветал так называемый «гоп-стоп». Нет, похоже, ее просто с кем-то перепутали, главное, сейчас спокойно это объяснить...

– Вы мне? – с удивлением спросила Аня.

– Тебе-тебе! – одна из девиц жевала жвачку. Подойдя, она сильно пихнула Савельеву в плечо, от чего та едва не потеряла равновесие.

– Девчонки, вы чего? Вы меня с кем-то перепутали! – воскликнула Аня, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

– Да ну на х...р? – осведомилась вторая, медленно заходя со спины, – а по-моему, мы по адресу, про... а универовская! Машка Богусонова – твоя подружка?

Аня похолодела. Машу из соседнего дома она знала хорошо. Очень возможно, что у той был конфликт с кем-то из соседних дворов. Только причем здесь она?

– Машу знаю, – честно созналась Аня, – только...

– Только ш...й быть плохо и к парням чужим лезть! – рывкнула девица ей в ухо.

– Девчонки, я ни к кому не лезла... – начала Савельева.

– Ты – нет, а подружка твоя стерва – да! – заявила та, – а раз твоя подружка, ты и п...ы получишь! Может, дойдет до тупой твари, когда тебя увидит! – на этих словах обе девицы расхохотались.

– Девчонки, вы чего... – испуганно начала Аня, – я же не...

Договорить она не успела, потому что та, что стояла сзади, больно схватила ее за волосы. Аня вскрикнула. В ту же секунду от второй прилетела болезненная оплеуха. А затем обе одновременно бросились на нее...

– Рад приветствовать, рад! – Антон Алексеевич наблюдал, как студенты проходили в аудиторию и рассаживались по местам, – надеюсь, каникулы прошли успешно, все живы-здоровы, успели отдохнуть от учебы и от меня в том числе! – он хохотнул, – и, главное, набрались новых сил для дальнейшего обучения. Дисциплина в этом году ожидает новая, интересная, так что...

Он перевел взгляд левее и снова увидел их. Федосеев и Королев, как ни в чем не бывало вошли в аудиторию и собрались усесться на места в аудитории. Антон Алексеевич прищурился.

– Молодые люди, а вы к кому пришли? – вкрадчиво спросил он, глядя на них.

– Как куда? К вам на пару! – Федосеев и Королев переглянулись, а затем с крайним удивлением уставились на Семенова. Похоже, они не ожидали такого развития событий.

– Ко мне на пару? – Семенов вскинул брови, – не помню, чтобы допускал вас до своих занятий...

– В смысле? – Федосеев (а преподаватель теперь уже их различал) уставился на Антона Алексеевича.

– В прямом, – Семенов пожал плечами, – у вас не закрыты два прошлых семестра. Новая дисциплина является прямым продолжением той, которую вы целиком пропустили. Так что допускать вас до занятий без базовых знаний я не имею права...

– Но как?! – Королев вытаращил глаза, – у нас же сдано все!

Антон Алексеевич покосился на аудиторию, затем вновь повернулся к своим прогульщикам.

– Идите сюда! – распорядился он, отойдя поближе к двери, – вещи с собой захватите! Захватите-захватите, чтобы два раза не бегать!

Федосеев и Королев приблизились к нему.

– В общем, так! – тихо сказал Семенов, – повторяю еще раз для пассажиров различных типов, извините, бронетехники: вы не посещали мои занятия за два семестра ни разу! Дисциплину у вас веду я. Не заведующий, не замдекана, а я: Семенов Антон Алексеевич, если вдруг не знаете. До своих занятий я вас не допускаю, так как я зачет вам не ставил, ибо просто не за что. Не знаю, кому вы там сдавали и, честно говоря, не хочу знать. Это на вашей совести и на совести тех, кто нечестно нарисовал вам этот зачет, – Антон Алексеевич переводил взгляд то на одного, то на другого, – а теперь можете быть свободны. Это все.

– Антон Алексеевич, но нам сказали ходить к вам! – начал Федосеев.

– Решайте это с теми, кто вам сказал! – отрезал Семенов, – я не знаю, что вам делать. Идите к заведующему, в деканат, в ректорат и так и скажите: Семенов не допускает нас до занятий. Все, друзья, мне нужно подготовиться к паре, не отнимайте мое время! – он развернулся и собрался вернуться за преподавательский стол.

– Антон Алексеевич, а оно надо? – Федосеев угрожающе прищурился. Семенов резко обернулся и несколько секунд пристально смотрел на студента. Федосеев шумно сглотнул и отвел глаза.

– Всего наилучшего, ребята! – бросил Семенов и больше уже не обращал на них никакого внимания.

– Петровский!

– Здесь! – Петровский поднял руку, показывая преподавателю, где находится.

– Романова! Романова здесь, отлично... Рысева! Рябухин! Где опять Рябухин? Понятно... Савельева!

– Нет! – подала голос староста.

– А с Савельевой что? – пожилая преподавательница удивленно посмотрела из-под очков, – показалась ответственной... случилось что-то с Савельевой?

– Она... она, в общем, в больнице, ее не будет, – пробормотала староста, немного потупившись, – Олеся Витальевна, я вам потом все объясню...

– В больнице? – преподавательница подняла брови, – ладно, понятно, причина уважительная. Пусть выздоравливает.

Петровский с Асхатом переглянулись. Асхат пожал плечами. Петровский покосился на старосту Настю, которая сидела с напряженным лицом и о чем-то шепталась со своей подружкой...

После звонка они с Асхатом первыми покинули аудиторию. Настя вышла спустя пять минут в окружении своей свиты. Все девочки продолжали о чем-то переговариваться.

– Настюх! – Петровский окликнул старосту. Та обернулась и сделала вопросительный жест головой, – Насть, иди сюда! – позвал Петровский.

– Что, Кость? – староста подошла к нему и вопросительно посмотрела. Стайка девушек остановилась поодаль, не спеша удаляться.

– Что там с Анькой такое случилось? – спросил Петровский, глядя на маленькую Настю сверху.

– В больнице, я же сказала Олесе Витальевне, – уклончиво ответила Настя, – Кость, нормально все, выздоровеет. Не переживай...

Староста собралась уходить, но Петровский резко поставил руку на стену, перегораживая ей проход. Асхат встал чуть правее, отрезая все пути к отступлению. Настина свита напряглась и уставилась на них.

– Костя, в чем дело? – возмутилась она, – пройти дай!

– Настюха, я тебя четвертый год знаю! – Петровский смотрел ей в глаза, – и вижу, когда люди мне врут! Давай рассказывай, что там с Анькой такое? Я, может, помочь хочу. Я же не зла вам желаю...

– Кость, ну там личное... – Настя опять попробовала уйти от ответа.

– Настюх! – Петровский повысил голос, – сколько раз я вам всем помогал? Хоть раз было такое, чтобы подвел? Давал я повод себе не доверять? Люди просто так в больницу не попадают. Нет, был бы роддом, я бы отвалил без вопросов, но чувствует мое сердце: ничем хорошим там и не пахнет... говори!

Петровский смотрел на Настю, как удав на кролика. Подружки что-то возмущенно запищали, но слишком боялись его, чтобы напрямую вмешиваться. Настя поняла, что выхода нет...

– Короче, она в шестой... – буркнула староста, опустив глаза.

– Шестой?! – Петровский опешил, – но это же «травма»! Что случилось? Сбил кто? Как она?

Аня была хорошим и порядочным человеком. Петровский всегда хорошо к ней относился, выделяя из общей массы «планктона» и «курятника». И сейчас по-настоящему переживал.

– Да нет, – тихо сказала Настя, – короче, это... напали на нее...

Петровский посмотрел на Асхата. Тот тоже был крайне удивлен.

– Напали? На Аньку? Кто?

– А я откуда знаю?! – разозлилась Настя, – она в сознании, но не говорит... боится, наверное. Ты пройти мне дашь или нет? Я тебе и так уже много сказала!

– Ладно, иди, – Петровский пропустил старосту, которая поспешила ретироваться. Ее подружки тоже удалились, недобро косясь в его сторону.

– Натравят они на тебя когда-нибудь своих избранников! – Асхат мрачно усмехнулся.

– Да пускай! – хмыкнул Петровский, – откроют голову мне, кто их проблемы с сессией решать будет! Ладно, это все не суть... Асхатик, надо к Аньке ехать!

– Надо, – Асхат кивнул и одарил Петровского ехидной ухмылкой, – хочешь просто приехать ей фрукты или...

– Или! – отрезал Петровский, – никому нельзя спускать беспредел, понятно? Савельева в своей жизни мухи не обидела! И какая бы тварь на нее не накатила, надо найти и наказать! Или ты против? – он прищурился.

– Нет, я не против, – Асхат пожал плечами, – только искать ты как будешь, если Анька молчит? Пытать ее станешь?

– Не знаю пока, – Петровский покачал головой, – сначала давай просто доедем до больницы, поговорим с Аней. Может, с нами и захочет поделиться...

– Ну-ну! – Асхат недоверчиво хмыкнул и двинулся по коридору вслед за Петровским.

– Антон Алексеевич, позволишь войти? – Карнаухов заглянул в кабинет Семенова, параллельно осматриваясь по сторонам.

– Ну, как я могу запретить целому декану! – Антон Алексеевич улыбнулся, – добрый день, Алексей Станиславович, проходите, конечно же! Что-нибудь случилось? – он слегка приподнял брови.

– Ну, как тебе сказать... – произнес Карнаухов, присев на стул напротив стола Семенова, – Антон Алексеевич, позволь, я прямо, ладно? – он внимательно посмотрел на Семенова.

– Разумеется, – Семенов согласно кивнул, – по-моему, это наилучший вариант...

Говоря, Антон Алексеевич продолжал попутно заниматься своими делами, так и не опустившись на стул. Декан набрал полную грудь воздуха. Излагать проблему он не спешил, словно стеснялся чего-то. Антон Алексеевич вопросительно смотрел на него и тоже молчал.

– Антон Алексеевич, что там за проблемы у тебя со студентами? – спросил, наконец, декан.

– Проблемы со студентами? – Антон Алексеевич удивленно поднял брови, хотя в целом догадывался, о чем сейчас говорит Карнаухов, – речь о каких-то конкретных студентах? Потому что, если в общем...

– О конкретных! – отрезал Алексей Станиславович, – конкретно о студентах третьего курса Федосееве и Королеве, – он, прищурившись, посмотрел Семенову в глаза.

– А, эти... – Антон Алексеевич медленно кивнул, – ну, так у меня с ними проблем нет, – он сделал небольшую паузу и продолжил, – нет взаимоотношений, нет и проблем. Я их, по сути, вообще не знаю. У них да, у них проблемы, насколько мне известно. С посещаемостью. Но это уже их личное дело, они люди взрослые...

– Антон Алексеевич! – декан сердито посмотрел на Семенова, – ну мы ведь не первый год работаем! К чему вот эти театральности?

Семенов тяжело вздохнул и с сочувствием посмотрел на Карнаухова.

– Действительно, Алексей Станиславович, мы работаем не первый год! – сказал он, – раз вы пришли ко мне сами, значит, вы прекрасно ориентируетесь в ситуации. Говоря напрямую: Федосеев и Королев игнорировали дисциплину на сто процентов, вы это знаете, я уверен. И все остальное тоже знаете. Говоря напрямую: Алексей Станиславович чего вы конкретно хотите?

– Антон, – декан в первый раз за все время разговора обратился к нему без отчества, – ты прекрасно понял, чего хочу. Ну, зачем ты все опять усложняешь? – он с надеждой посмотрел на Семенова.

– Я усложняю? – хмыкнул Антон Алексеевич, – по-моему, это кто-то другой все усложняет, нет? – он недобро прищурился, – все ведь просто, Алексей Станиславович! Просто не ходить на занятия, потом кто-то просто ставит им **мой** предмет без **моего** участия... а раз так просто поставили один раз, так в чем проблема? Поставят и в другой, как выясняется, мое присутствие вовсе необязательно! – он вновь недобро усмехнулся, – а раз все так просто и от меня все равно ничего не зависит, так кто усложняет? – Семенов посмотрел на декана сверху вниз, – зачем усложнять жизнь ребятам и отвлекать их от важных дел моими занятиями, если для зачета посещение необязательно? И зачем вообще меня впутывать, если спрашивать все равно никто не собирается? – он замолчал, продолжая сверлить декана сердитым взглядом.

Карнаухов чувствовал себя в проигрышном положении, и это его дико злило, так как он был выше по должности. Но сделать с этим он ничего не мог...

– Антон, – негромко начал декан, – ну зачем ты так?

– Как? – Антон Алексеевич сел за свой стол и подался чуть вперед, – зачем делаю свою работу так, как велит устав ВУЗа и Конституция Российской Федерации? Наверное, потому что таковы мои обязанности, как преподавателя...

Карнаухов снова тяжело вздохнул и побарабанил пальцами по столу. Затем поднял взгляд на Семенова.

– Антон, – начал он также тихо, – если сам понимаешь ситуацию, то зачем?

– А затем, что моя совесть будет чиста! – отрезал Семенов, – я не торговал образованием и никогда не буду! Если кто-то делает в обход, пожалуйста, я все равно бессилён помешать. Но и меня никто впутать во всю эту грязь не сможет...

– Антон, выбирай выражения! – потребовал декан.

– А я выбираю, – парировал Антон Алексеевич, – я просто называю вещи своими именами. Алексей Станиславович, если вас не устраивает моя работа, вы, как мой начальник, можете поднять вопрос о введении санкций в отношении меня вплоть до увольнения. Но не требуйте от меня того, чего, как вы сами давно знаете, я никогда не сделаю, – он твердо посмотрел декану в глаза.

– Ой, ладно Семенов, какое увольнение! – декан с досадой отмахнулся, – просто пытаюсь говорить с тобой на человеческом языке. А ты никак не хочешь идти навстречу... – он поднялся со своего места.

– Нет, Алексей Станиславович! – Семенов был тверд, – вот это не имеет ничего общего с человеческими взаимоотношениями...

– Все понятно, – Карнаухов резко отвернулся и зашагал к входу из кабинета. Уже в дверях он обернулся: – я понимаю и, что бы ты там ни думал, уважаю твои принципы, Антон. Но нельзя идти против системы. Это глупо и бессмысленно. Она просто ломает тебя... – декан хмуро смотрел на Семенова.

– Может, однажды и ломает, – Антон Алексеевич кивнул и, немного опустив голову, добавил уже тише, но так, чтобы услышал декан, – но уж точно никогда не нагнет...

Не говоря больше ни слова, Карнаухов покинул кабинет, сильно хлопнув дверью.

– Ну как ты? – Петровский с сочувствием посмотрел на лежавшую на кровати Аню. Она выглядела плохо: вся в синяках и ссадинах, на голове виднелся след от рассечения. Оставалось только гадать, кто мог сделать такое с никому ни разу не желавшей зла девушкой...

– Спасибо, Кость, уже лучше! – Савельева слабо улыбнулась, – спасибо, мальчишки, что пришли! – она посмотрела на Асхата, стоявшего у белой стены. Фролов, которого Петровский тоже поставил в известность, ходил по палате туда-сюда, хрустя кулаками, чем вызывал волнение Аниных соседей.

– Сядь, не маячь! – одернул Петровский, тоже заметив это. Дмитрий плюхнулся на свободную кровать, – да ну какое тут спасибо, Анют! Четыре года вместе учимся, как родные уже. Еще заходил кто?

– Девчонки были, – Аня кивнула, – Олег, конечно. Сейчас вот должен подойти, с работы только освободился, – она с трудом приподнялась на кровати и бросила взгляд на настенные часы.

– Ты лежи, лежи! – Петровский осторожно остановил ее. Затем обернулся к своим приятелям и, наклонившись к Савельевой, почти шепотом произнес: – Анют, кто?

Он с надеждой смотрел на Аню, ожидая, что она все-таки скажет. Но Савельева лишь покачала головой.

– Анют...

– Кость, проехали... – твердо сказала Аня, – мало ли злых людей на свете. Я жива, больше меня никто не тронет, вот и хорошо. Проехали... – она сглотнула подступивший к горлу ком.

– Ань, ну нельзя же так! – горячо заговорил Петровский, склонившись над ней, – нельзя прощать такое, понимаешь? – он посмотрел ей в глаза, – поверь моему опыту: спустишь обиду – обидят снова, еще сильнее! Анька, да от тебя вообще ничего не требуется! – он едва не задохнулся от ярости, – ты просто... просто скажи, какая тварь это с тобой сделала, она пожалеет, что на свет родилась, я ее изживу к чертовой матери! – его глаза заблестели нехорошим и очень злым огоньком.

– Нет, Костя, – твердо повторила Аня, – поверь ты моему опыту: зло порождает зло, а насилие – насилие. Отпусти, Костик. Тебя это не касается. Да и меня коснулось случайно: не в то время не в том месте. Так что проехали. Ты лучше скажи: много я там пропустила?

– Да нет, не очень, наверстаешь быстро, – Петровский поднялся, поняв, что Савельева больше ничего ему не скажет, – выздоравливай, Анют.

– Спасибо вам, мальчишки! – Аня улыбнулась им.

В коридоре тройца столкнулась с Олегом – Аниным парнем. Петровский, с которым они пару раз пересекались, коротко пожал ему руку и, похлопав по плечу, проследовал дальше. Олег двинулся к Аниной палате, держа в руке увесистый пакет с продуктами.

– Забавно, да? – Петровский остановился у окна и оперся на подоконник, – стоит кому-то заболеть, его начинают пичкать жратвой на убой, словно это реально поправит здоровье! – он кивнул в сторону палаты.

– Чего остановился-то? – осведомился Фролов, – пошли, тут ловить нечего, сам видишь. Я курить хочу...

– Подождем немного, – ответил Петровский, – мне бы с Олегом парой ласковых перекинуться...

– Думаешь, он что знает? – Фролов пожевал нижнюю губу.

– Вряд ли, – Петровский покачал головой, – не в этом дело. Парень горячий, может начать делать глупости. Как итог – башку отвинтят где-нибудь и конец истории, – он нехорошо ухмыльнулся, – а наша задача – не допустить этого...

– Ты его учить собрался? – Фролов недоверчиво посмотрел на приятеля, – и он прямо слушать тебя будет, ну-ну!

– По крайней мере, поговорю с ним, – отрезал Петровский.

В этот момент к ним подошел Славик, отправленный на это время на «разведку». Петровский сделал вопросительный жест головой.

– Пообщался я с медсестрами, – отчитался Логинов, глядя на компанию, – короче, никакой конкретной информации она не дала. Не отрицает факт нападения, менты, естественно, приезжали, но им сказала, что лиц толком не разглядела, кто – не знает, – Славик немного помолчал и констатировал: – врет.

– Знаю, что врет, – кивнул Петровский, – боится кого-то. Надо только узнать, кого именно. А там и до конкретных отморозочков дело дойдет...

– Узнавать-то как? – Фролов ухмыльнулся, – или, может, вырежем подчистую всю гопоту северо-западного округа? Нет, я так-то за, гадюшник редкостный...

Асхат и Славик тоже заулыбались, оценив шутку.

– Гадюшник, не гадюшник, а отморозков, способных сотворить такое с девочкой много не наберется, – задумчиво произнес Петровский, не сводя глаз с Аниной палаты, – пока ждем...

Олег появился в коридоре спустя полчаса. Подождав, пока он дойдет до лестницы, Петровский окликнул:

– Олег, на минуточку!

Анин парень обернулся и приблизился к компании. Он был на три года старше Петровского и уже работал в небольшой юридической консультации. Олег вопросительно смотрел на них.

– Привет еще раз, – начал Петровский, – сочувствую, Олег. Если помощь какая нужна, ты обращайся, поможем всем, что в наших силах и сверх...

– Спасибо, – Олег коротко кивнул, – вроде справляемся. Ладно, Костя, благодарю тебя, я...

– Олег, я попросить хотел! – Петровский перебил, – ты только выслушай, не заводишь раньше времени, ладно? – он посмотрел на парня.

– Не понял! – Олег мгновенно напрягся.

– Послушай, Олег, – начал Петровский, – я тебя прекрасно понимаю и то, что ты сейчас чувствуешь – тоже. Но все равно прошу тебя: не делай глупостей, ладно? Горячку не пори!

– Петровский, я же сказал: не понял тебя! – повторил Олег еще более напряженно, глядя прямо в глаза.

– Да все ты понял, – уверенно сказал Петровский, – и я тебя по-мужски прекрасно понимаю. Но снова прошу тебя, на этот раз прямо: Олег, не лезь. Позволь нам самим все сделать...

– Чего? – Олег прищурился и надвинулся на Петровского, – ты предлагаешь, чтобы я забил, Петровский? А ты не охренел ко мне с этим подходить? – глаза Аниного парня загорелись злобой.

– Да я не предлагаю забить, ты не понял! – Петровский тоже не отводил глаз, – но просто в конкретной ситуации ты только навредишь, если полезешь! Виноватых все равно не найдешь, только самому голову открутят или посадят на хрен, ты же понимаешь! А мы все сделаем чисто и найдем конкретных отморозков, которые это сделали с ней! – Петровский посмотрел на Олега почти с мольбой, что было ему вообще-то не свойственно, – Олег, я тебе жизнью своей клянусь: мы найдем этих ублюдков и со свету их сживем! Эти твари пожалеют, что все еще дышат, слово даю! Хочешь, тебе отзвоним, как разыщем, сможешь в глаза посмотреть! Только сам пока ничего не предпринимай, я тебя прошу!

– Да пошел ты! – членораздельно сказал Олег с ненавистью глядя на Петровского, – следователь хренов! – он сильно толкнул Петровского плечом и почти побежал в сторону лестницы. Фролов дернулся было вперед и открыл рот, но Петровский схватил его за рукав.

– Осади! Пусть идет...

– Нет, ну а чего он так себя ведет? – сердито осведомился Фролов, – в рыло давно не...

– Поставь себя на его место, – спокойно сказал Петровский, – твою женщину избили какие-то отморозки, а левые щеглы, ну, то есть, для тебя щеглы, велят тебе сидеть ровно и ни черта не делать. Ты бы как поступил? – он вопросительно посмотрел на приятеля.

– В разнос бы пошел, – хмуро ответил Фролов.

– Вот-вот, – подтвердил Петровский, – и он теперь пойдет, – он кивнул в сторону лестницы, по которой только что быстро спустился Олег, – и теперь задача усложняется, играть надо на опережение...

– И что будем делать, детектив? – насмешливо спросил Фролов.

– Для начала надо не допустить, чтобы этому народному мстителю шею свернули, – ответил Петровский, имея в виду, естественно, Олега.

– И как же, следить за ним будешь? – осведомился Фролов.

– А что тебя так веселит, именно так, буду, – Петровский был серьезен, – а он уже приведет нас к каким-нибудь местным гопникам, если мой расчет верен. А дальше убьем двух зайцев: мстителя нашего спасем и местную шпану тряхнем, глядишь, расскажут чего...

– А расскажут? – недоверчиво спросил Фролов.

– Мне расскажут! – пообещал Петровский, вновь нехорошо сверкнув глазами, – короче, поднимаете Макарова, Соловья и Джамала. Слав, введешь в курс дела?

– Введу, – Логинов кивнул.

– Будем по очереди вести его, – продолжил Петровский, – не думаю, что это займет много времени. Фрол, ты разрешение на травмат получил?

– Ага, – Фролов утвердительно кивнул.

– Прекрасно, я тоже, – сказал Петровский, – пойдем сегодня с тобой и Макаровым.

– А не мало? – с сомнением спросил Фролов.

– Достаточно, мы там пока не войну устраивать едем, – спокойно ответил Петровский.

– Больше всего мне нравится твое «пока»! – хмыкнул Фролов, – ладно, а если он прямо сейчас самосуд вершить отправится, и мы опоздаем, такой расклад не учел? – он, прищурившись, посмотрел на Петровского.

– Нет, – тот отрицательно покачал головой, – местная отморозь выдвигается к ближайшим ларькам, паркам и пивнухам с заходом солнца. Адрес их я знаю, они с Анькой с этого года вместе живут. Выдвигаемся вечером. А там посмотрим, куда все это приведет...

– Реально ментом себя чувствую! – усмехнулся Фролов, барабанив пальцами по рулю. На улице уже почти стемнело. Они стояли на машине Дмитрия неподалеку от пятиэтажки, в которой жил Олег, в самом центре северо-западного округа Нобельска, считавшегося одним из самых криминогенных районов города.

– Уверен, что смотря боевики про крутых ментов, ты всегда мечтал о чем-то подобном! – улыбнулся Петровский, повернувшись к нему.

– Слушай, а ты вообще уверен, что твой план сработает? – осведомился Фролов, – не зря мы здесь сидим? Может, одумается и не пойдет никуда?

– Ты глаза его видел? – хмыкнул Петровский, – и бежал как резво. Нет, он не одумается...

– Спросить все забываю: с Маринкой вместе сейчас, нормально все? – вспомнил Фролов.

– Нормально, – Петровский улыбнулся, – окончательно съехались, живем в согласии в основном. Ну, не со своей же ей жить подружкой, как ее так, Кристина что ли... а мне с ней хорошо...

Он стал всматриваться в темноту двора, краем глаза рассматривая Макарова в зеркале заднего вида. Сергей сидел сзади и все время молчал. Ему не нравилось, что его выдернули среди ночи, более того, нужно было как-то объяснять это матери, которую никак нельзя было волновать...

– Сереж, порядок? – на всякий случай уточнил Петровский.

– Уже да! – фыркнул Макаров, – все настолько перемешалось за последний год, что вот такое уже в порядке вещей...

– Но ведь то, что мы сейчас делаем – правильно, разве нет? – Петровский провокационно улыбнулся, слегка обернувшись, – человека вот спасти пытаемся, разве это зло, Сергей?

– Костя, мы давно обсудили с тобой все взгляды на жизнь! – отрезал Макаров, – давай не будем начинать...

– Ты и сам понимаешь, что мы делаем правильно, – заверил Петровский, – себя-то не обманешь, Сереж...

В этот момент Фролов приподнялся и указал пальцем в сторону подъезда.

– А вон, смотри, наш! – весело заявил он, – нет, ну точно Бэтмен! Нет, ты только взгляни на него!

Олег, озираясь, вышел из подъезда. Несмотря на то, что на улице было тепло, на нем красовалась кожаная курка, под которую он спрятал небольшую битую. Нервно сглотнув, он спустился с крыльца и двинулся через двор.

– Нет, ну мститель народный, рыцарь ночи б...! – рявкнул Фролов, – местные отморозки оторвутся по полной!

– Как свернет со двора, трогай потихоньку за ним, – велел Петровский, – только внимания не привлекай...

– Да знаю я, опыт есть! – Фролов усмехнулся.

– И что, часто вы следите за людьми? – осведомился Макаров с заднего сиденья.

– Всякое бывает, – туманно ответил Петровский, – давай, Дима, поехали!

Фролов, включив только габариты, плавно тронулся с места. На улицах сейчас было тихо и привлечь к себе внимание было легко, поэтому приходилось держать приличную дистанцию. Олег уверенно шел куда-то, Петровский плохо знал этот район, поэтому пока не знал, куда.

– Костян, ко мне это... Соболев заходил, – негромко сказал Фролов, продолжая вглядываться в ночную темноту.

– И? – Петровский старался, чтобы голос звучал как можно более равнодушно, но блеск в глазах выдал его. Он все еще переживал из-за того конфликта с Андреем прошлым летом.

– Да ничего, – Фролов пожал плечами, – так, поболтали, у кого как дела и все такое. Да я, Костик, просто довожу до твоего сведения: Андрюха в городе. Может, пора бы уже зарыть топор войны? Дело-то прошлое, да и покусались из-за ерунды, по сути...

– Поживем – увидим, – Петровский поймал себя на том, что только что ответил любимой фразой Соболева. Воспоминания волнами нахлынули на него и он потряс головой, спеша отогнать их...

– Опа, а вон и местная фауна! – заявил Фролов, останавливая машину, – и, похоже, наш ночной мститель направляется к ним с вопросом!

Петровский проследил направление. Через дорогу от них находился ночной магазинчик, в котором, разными способами обходя закон, продавали спиртное в вечернее время. Площадку около заведения уже облюбовала вполне типовая компания в составе пяти человек. Парни распивали пиво и о чем-то очень громко и весело разговаривали, подкрепляя беседу крепкими выражениями. Слышно их было даже отсюда, однако тему дискуссии уловить не удавалось по причине приличной дистанции и обилия мата в речи. Олег сейчас уверенно направлялся в их сторону. Компания, заметив его, почти синхронно обернулась.

– Дурак, убьют же! – Фролов стукнул кулаком по приборной панели.

Олег тем временем что-то спросил у компании. Все пятеро аккуратно, чтобы не пролить, поставили пиво и обступили парня со всех сторон. С одного взгляда становилось понятно: разговор идет на повышенных тонах и эта агрессивно настроенная компания видит в Олеге жертву.

– Блин горелый! – Макаров тоже напряженно смотрел в ту сторону, – ну что, будем просто сидеть?! – он яростно посмотрел на Петровского.

– Погоди ты! – одернул тот, не сводя глаз с происходившего через дорогу.

Один из ребят толкнул Олега в плечо. Тот угрожающе извлек битую из-под куртки, чем вызвал взрыв смеха у явно уже нетрезвой компании.

– Петровский, пошли, они же ему голову проломают! – Макаров схватился за дверную ручку.

– Сиди, сказал! – рявкнул Петровский, – еще пару секунд, иначе все впустую...

Макаров со злостью посмотрел на него, но послушно остался на месте. Тем временем на той стороне дороги началось основное действие. Один из членов агрессивной компании уда-

рил Олега в нос. Тот отскочил и взмахнул битой, попав нападавшему по руке. В ту же секунду на него бросились со всех сторон, отбирая оружие и начиная избивать руками и ногами.

– А теперь пошли!!! – выкрикнул Петровский.

Они выскочили из машины и ринулись через дорогу, на ходу извлекая травматические пистолеты. Вновь драться втроем против пятерых в планы Петровского не входило, пусть даже подготовка была на их стороне...

– А ну стоять, падаль! – во все горло закричал он и без промедления послал пулю в воздух. Грянул выстрел. Вся компания инстинктивно отскочила от Олега, оборачиваясь на грохот.

– Э, ты че...

– Стоять, сказал, на землю!

– Пацаны, валим! – один из членов агрессивной компании среагировал быстрее других. Возможно, их даже приняли за сотрудников полиции. А может, просто испугались. Все пятеро бросились врассыпную.

– Стоять!!! – Петровский выстрелил вдогонку, но промахнулся. Компания тем временем уже скрывалась в темноте. Фролов рванул было следом, но Петровский остановил его.

– Пускай валят, нам тут надолго нельзя! – бросил он, – на драку и стрельбу ментов вызвать могут. Валим надо, чем скорее, тем лучше...

Он подошел к Олегу, который только-только поднимался с земли. Сильно избить его не успели, однако помят он был уже существенно.

– Живой? – Петровский протянул ему руку.

– Живой... – выдохнул Олег, – вы-то здесь откуда?

– Сердце матери не обманешь, сынок! – пошутил Петровский.

– Чего? – Олег изумленно вытаращил глаза.

– Ничего, забей, поднимайся, прыгай в машину! – Петровский махнул рукой, продолжая напряженно озираться.

Олег с большим недоверием посмотрел на него.

– Ну чего ты смотришь, хочешь ментов дожидаться? Быстрее, тебе говорю!

Опомнившись, Олег быстро побежал к машине Фролова вместе с Дмитрием, Петровским и Макаровым.

– Как думаешь, ментов вызвали? – спросил Фролов.

– Не знаю, хочешь, останься и проверь! – огрызнулся Петровский, – все, заводи, Дима, валим!

По пути к дому Олега все было спокойно. Полицейских сирен тоже слышно не было. Похоже, к таким мелочам, как стычки и выстрелы тут привыкли настолько, что даже в полицию не звонили. А может, служители закона просто не торопились. Фролов на всякий случай объехал район кругом и вернулся к месту назначения.

– Вы следили за мной? – спросил Олег, облокотившись на стекло.

– Да, – ответил Петровский.

– Зачем?

– Знали, что все именно так и будет.

– Ясно, – Олег мрачно кивнул, потирая ушибленный нос.

– Не сильно тебя, сам дойдешь? – уточнил Петровский, когда они остановились у подъезда.

– Дойду. Спасибо, Петровский, – Олег нехотя протянул руку.

– Не за что, – Петровский крепко пожал ее, – теперь, надеюсь, ты не будешь делать глупостей? Запомни, Олег, Анюте сейчас нужно твое крепкое плечо, а не проломленная голова...

Олег ничего не ответил. Петровский отпустил его руку, и Анин парень вышел из машины.

– Поехали, Дима, – решительно сказал Петровский.

– Куда?

– Серегу отвезем, потом выспаться надо. Завтра будет еще жарче...

– Ты что задумал? – Фролов удивленно посмотрел на него.

– То же, что и раньше: искать убудков, которые изуродовали Савельеву, – ответил Петровский.

Остановившись у дома Макарова, они решили выйти на улицу и выкурить по сигарете. Сергей, хоть и не курил, да и дружеских чувств к Петровскому не испытывал, из вежливости остался с ними.

– Мама как? – дежурно спросил Петровский, окидывая взглядом жилой дом, светивший сотнями окон.

– Нормально, – ответил Сергей.

– Денег-то хватает?

– Хватает, лишнего нам не надо, – отрезал Макаров, – ты меня уже об этом спрашивал.

– Ну да, – Петровский кивнул и выпустил в небо дым, – было дело...

– Ты в драку сразу не полез, дал его немного помять в качестве воспитательного момента? – спросил Сергей, посмотрев на Петровского на этот раз с интересом.

– Вот видишь, говорю же, взрослеешь на глазах! – хмыкнул тот, – если бы он по шапке не получил, не дошло бы, сколь плачевно все может закончиться. А теперь, когда убедился на своей шкуре, сто раз подумает, прежде чем лезть в тот мир, правил которого не знает и не умеет по ним играть...

Некоторое время они помолчали. А потом Макаров улыбнулся. Казалось, чуть более искренне и открыто, чем обычно при общении с Петровским.

– Знаешь, – начал он, – у меня всего два варианта по поводу сегодняшнего: либо тебе просто нравится бить и стрелять в людей, либо ты реально время от времени способен на добрые и бескорыстные поступки...

Петровский посмотрел на улыбавшегося Макарова и тоже улыбнулся.

– Ну, ты-то по любому склоняешься к первому варианту! – он похлопал Сергея по плечу и повернулся к Фролову, – ладно, расход! Всем надо отоспаться. Завтра будут нужны все. В хорошей физической форме.

Машины Петровского и Фролова остановились в одном из дворов-близнецов. Гоп-компания, расположившаяся прямо на детской площадке со спиртными напитками была замечена сразу. Пять или шесть парней лет по девятнадцать-двадцать. На часах только доходило пять вечера, на улице было еще светло, однако веселых ребят это нисколько не смущало, как впрочем, и тот факт, что находились они на детской площадке.

– В лагерях им место бездельникам! – буркнул Фролов, когда все они приближались к той шайке.

– Ага, точно совдепа на них нет! – хохотнул Славик.

– Здорово, пацаны! – Петровский громко окликнул пока что не обративших на них внимания парней. Вся его компания встала полукругом чуть позади. Шпана, минуту назад распивавшая коктейли из жестянок, повернулась к ним. Некоторые поднялись со своих мест. Всегда одно и то же...

– Здорово! – ответил за всех один, пока не спеша приближаться. Все остальные напряженно разглядывали Петровского и его людей, ожидая продолжения.

– Что на районе слышно? – осведомился Петровский, тоже глядя на них. Те переглянулись.

– А ты с какой целью интересуешься? – вопросом на вопрос ответил тот, что первым вступил в дискуссию.

– А ты на вопрос ответь – узнаешь, – хмыкнул Петровский, глядя ему в глаза.

– У тебя вопросы ко мне?

– Всегда одно и то же, – Петровский покачал головой, – короче, пацаны, здесь пару дней назад девчонку отоварили. Давайте не будем ходить вокруг да около, тем более что говорим мы на разных языках, а вы просто быстренько расскажете нам, кто это сделал и почему. Не говорите, что вы не в курсе событий, вы же постоянно тут околачиваетесь... – он переводил взгляд с одного члена гоп-компании на другого.

– Чего? – некоторые из них переглянулись, – слышишь, а ты как разговариваешь? Ты кто такой вообще? С какой целью подошел? Тебе надо больше всех?

Петровский криво и очень зло ухмыльнулся.

– Вы задали такое количество вопросов, что у меня башка сейчас лопнет, – заявил он, – а вопросы здесь задаю я, – секунду он посмотрел на них, а затем внезапно перешел почти на крик: – вы от бухла совсем отупели, сявки лавочные?! Я тебе дурилка картонная в бирюльки с тобой играть, м...н или ты оглох? На вопрос отвечай, пока тебя в этой песочнице не зарыли! – он сделал угрожающий шаг вперед. Приятели за его спиной тоже приготовились.

– Что ты сказал?! – гопники сорвались со своих мест.

– Стоять, лимита! – Фролов вытащил травматический пистолет. Джамал молча сделал шаг и угрожающе щелкнул затвором. Петровский увидел, что пистолет в его руках был тем самым. Боевым. Он так и не выкинул его после тех разборок с Кротовым. Да плевать. Уже не важно...

Гоп-компания опасливо остановилась.

– Что, мажоры, только с пушками можете?! – басом выкрикнул один из них.

– Почему же только с пушками? Один на один! С любым из вас! Давай! – весело выкрикнул Петровский и быстро двинулся вперед.

– Костян, ты чего... – начал Фролов.

– Спокойно! – одернул Петровский, – убрали оружие!

– Парень, ты больной? Нарываешься? – один из членов гоп-компании, ростом выше самого Петровского, скинул с головы бейсболку и двинулся навстречу с ответной агрессией. Вместо ответа Петровский, не дав среагировать, перехватил руку, которую тот собрался занести для удара и сам пробил парню локтем в челюсть. Второй болезненный удар – ногой в пах – прошел уже через секунду и, воспользовавшись тем, что противник скрючился от невыносимой боли, Петровский нанес еще один – в голову, отчего жертва рухнула в песок...

– Стоять на месте всем! – рявкнул Фролов, направив оружие на ринувшихся было в бой приятелей избитого. Те испуганно остановились и стали переглядываться, прикидывая, оставить им друга в беде или рискнуть и проверить, решатся ли «мажоры» применить оружие.

– Пацаны, лучше стойте спокойно! – вперед вышел Славик и заговорил чуть более вежливо, – у вас без шансов даже врукопашную, не то что со стволами. Все по-честному, мы не лезем, вы не лезьте!

Петровский тем временем больно схватил поверженного парня за волосы и, подтащив к металлическим качелям угрожающе замахнулся, делая вид, что сейчас ударит того головой об трубу. Парень испуганно зажмурился, продолжая кряхтеть от боли и унижения.

– Ошиблись вы сильно, пацаны, не мажоры мы, все сами, все сами! – сообщил Петровский, обернувшись к остальным и переводя дыхание, – ну так как, на вопросы теперь ответим, уродец? – он посмотрел на парня, которого держал за волосы.

– Чего тебе нужно? – выдохнул тот, понимая, что дальнейшее сопротивление только усугубит и без того тяжелую ситуацию.

– Девочку зачем избивали?! – заорал Петровский, сильно дернув клочок волос, который держал в руке. От резкой боли жертва заскулила...

– Какую девочку?! Не били мы никого!

– Врешь, с...а! По глазам вижу: гонишь! Говори зачем, или с мозгами вырву!!! – он сдавил еще сильнее.

– Мы никого не били!!! – отчаянно завопил парень, – я реально не понимаю, о чем ты! Тем более девочку! Чтобы бабу избить, петухом последним надо быть! Мы бы никогда...

– Кто тогда?! Если не вы, то кто?!

Гоп-компания испуганно переглядывалась. Кое-кто уже дрожал от страха.

– Да не знаю я! – выкрикнул тот, которого держал Петровский, – мало ли уродов на белом свете! Мы не били никаких девочек, честно, и ничего такого не слышали, пусти меня!

Петровский немного ослабил хватку.

– Хорошо, допустим! – сказал он немного тише, – вы хорошо знаете район, не говорите мне, что это не так! Значит, особо выделяющихся отморожков – тоже! Давай, вспоминай, какие персонажи обитают поблизости? Кто настолько отмороженный, что мог искалечить молодую девочку? И вы вспоминайте! – он повернулся к друзьям избитого парня.

– Ну... – парень задумался, – точно не скажу тебе, но есть такие на районе, есть...

– Кто?! – рывкнул Петровский, снова слегка встряхнув его, – имена, прозвища, места обитания! Выкладывай! Давай, от этого вся твоя дальнейшая жизнь зависит!

– Блин... – парень сглотнул, – ну кто... ну, Сева из двенадцатиэтажки теоретически мог, – сказал он, приподняв глаза.

– Побольше конкретики, что за Сева? – осведомился Петровский, пока не отпуская его.

– Мужик один местный, бухарь и нарк! – пояснил парень, – ну, в смысле, не конченный, а так... травка там, спайс, кристаллы... под приходом совсем отмороженный бывает, его стороной обходят. Здоровый, как лось, под сто кило весит! Сидевший он, короче... как раз бабу какую-то от... л вроде... – парень замолчал.

– Какой кадр! – хмыкнул Петровский, – допустим, еще кто? Я не верю, что на весь ваш гадюшник одна отморозь! Давай, вспоминай! – рывкнул он почти в ухо.

– Ну, кто еще... – парень опять задумался, – блин, да я хрен знает! – он умоляюще посмотрел на Петровского. Но тот не отпускал. Кое-кто в гоп-компании тоже переглянулся.

– А эти... – еще один обратился к своим, – ну, близнецы-дембеля!

– А, да, кстати! – похоже, они, наконец, отыскали в уголках своего затуманенного алкоголем мозга полезную информацию.

– Продолжайте, продолжайте! – Петровский закивал, изображая искреннюю радость. Он все еще крепко держал свою жертву, правда, уже не за волосы, а за плечо.

– Да дембельнулись двое летом! – пояснил один из парней, – братья-близнецы. Они и до армейки взорванные были, а после... – он сделал характерный жест, – вообще башню унесло! Неадекваты, короче, полнейшие, с ними лучше не связываться! На флоте, что ли, служили где-то, не помню...

– И что, прямо бабу могли отметелить? – осведомился Петровский.

– Эти? – парни переглянулись, – эти да, могли...

– Нормальный расклад, – Петровский кивнул, – еще вспомните что? – он отпустил парня и достал из кармана две купюры номиналом в тысячу рублей, решив, что теперь пряник будет эффективнее кнута.

– Ну... – те, видимо забыли, что минуту назад их жестко прессинговали и теперь жадно смотрели на деньги, – ну, Васька еще разве только Косой...

– Что за Васька Косой? – Петровский отпустил парня к своим, продолжая сверлить всю компанию взглядом и держа деньги на виду, – типа шишку тут держит?

– Типа того, – пояснил «пострадавший», отряхиваясь от песка и поднимая с земли бейсболку, – компашка серьезная, все почти «спорттики», в барах с ними никто не связывается, если кто залетный – в секунду метелят без разбора...

– Спорттики и в барах зависают? – Петровский криво ухмыльнулся, – ладно, понял. Давайте теперь координаты ваших местных отморожков: Севы, дембелей, Васьки Косого, всех... где живут, где ошиваются...

Петровский потряс перед гоп-компанией деньгами. Те опять переглянулись.

– Только ты это... – опасливо сказал один из них, – не говори, что это мы тебе сказали...

– Заметано! – Петровский презрительно усмехнулся, – мы с вами вообще никогда не виделись!

Спустя пять минут информация о местах обитания всех «персонажей» была у Петровского на руках. Гоп-компания радостно попрощалась с ним и ретировалась пропивать «заработанные» деньги.

– Смотрю, стукачество процветает! – Соловей ухмыльнулся.

– Ну вот, информация есть, – задумчиво проговорил Петровский, – теперь можно переходить к небольшому блицкригу...

– Переходить к чему?! – Фролов вытаращил глаза, – Костик, ты здесь войнушку развязать собрался?! А не слишком круто, нет?

– Дима, у меня одного сейчас дежа вю? – Петровский скривился, – такое чувство, что ты когда-то уже задавал мне этот вопрос.

Он посмотрел на остальных, ожидая поддержки. Однако все были серьезны и, похоже, абсолютно не разделяли его радости по поводу предстоящей акции.

– Петровский, – Сергей сердито посмотрел на него и первым озвучил то, о чем думали все, – я, конечно, поддерживаю твоё желание заступиться за слабого. Но... тебе не кажется, что нас банально маловато?!

– А он прав, Костик! – Логинов тоже мрачно кивнул, – я ведь сам больше года жил на этих берегах. И отморожки тут попадаются конкретные, да и держатся крупными стаями...

– Струсил? – Петровский злобно прищурился, глядя на своих парней.

– Ты задолбал, никто не струсил! – рявкнул Фролов, – только не ты ли вчера отучал Анькиного хахалю от самоубийственных идей?! И что, теперь сам делаешь то же самое? – он яростно смотрел приятелю в глаза. Петровский вновь криво усмехнулся.

– А я что, предлагал драться всемером на толпу? – осведомился он.

– Так посвяти нас в свои планы, Бендер! – крупный Фролов надвинулся на него, – что мы будем делать? Обнародуем компромат? Сдадим ментам? Подбросим наркотики? Давай, всем будет интересно послушать! – он посмотрел на остальных ребят, которые тоже ждали от Петровского разъяснений.

– Во-первых, не ори на всю улицу! – одернул тот, – во-вторых, нет. Никаких хитро выдуманных схем на этот раз не будет. Не тот случай. Акция будет чисто силовой. И состоится она послезавтра ночью, – он окинул взглядом всех, – дело опасное и грозит серьезными проблемами с законом. Я не могу гарантировать, что кого-нибудь с одной из сторон не покалечат или вообще не убьют...

Петровский сверкнул глазами. Фролов при упоминании смертельной опасности шумно сглотнул.

– Поддержка у нас будет! – продолжал Петровский, – со своей стороны я обеспечу. Серега, Джамал, нам с вами тоже надо будет перетереть по этому поводу...

– Понял, куда ты клонишь, даже не проси! – отрезал Макаров, сверкнув глазами, – сам пойду, но никого с «рукопашки» в эти разборки втравливать не буду!

- Твое право, – Петровский не стал спорить, – Джамал?
- Ну, пяток надежных бойцов точно впишется, – тот пожал плечами, – а там видно будет...
- Нормально, – Петровский кивнул, – короче так, пацаны. В виду серьезной опасности ситуации я никого не смею принуждать. Я даже не требую ответить сейчас. Просто те, кто хочет участвовать послезавтра в девять вечера должны быть у гаражного массива в юго-западном округе, место знаете все. Там будет точка сбора, там же все получают свои инструкции. Если сделать все быстро, должно пройти гладко...
- Ну-ну! – Фролов недоверчиво покачал головой.
- Костян, а если мы ошибаемся? – спросил Соловей, – если никто из этих отмороzków не имеет к этому отношения? Ты не думал, что могут быть просто залетные?
- Да нет, – за Петровского ответил Славик, – залетные здесь – это почти невероятно. Кто-то из местных, факт, по этой же причине сама Аня боится что-либо рассказывать. Дело в другом, Костя, как ни крути, но это жест... – он грустно посмотрел на Петровского.
- Что-то мне подсказывает, что ты-то как раз не отступишь, – тот прищурил один глаз.
- Я имею право не отвечать сейчас, сам сказал! – Славик невесело усмехнулся в ответ.
- Чистое безумие! – Фролов сплюнул на землю и направился к своей машине.

- Не помешаю? – Петровский заглянул в кабинет. Семенов посмотрел с легким удивлением, но все равно приветственно кивнул.
- Заходи, Константин, я тут как раз проверяю ваши контрольные. У тебя что-нибудь случилось?
- Ну, все что могло случиться конкретно со мной, случилось уже давно, – Петровский ухмыльнулся и сел на свободный от бумаг стул, – но у меня, как бы это сказать... есть проблема. Точнее, ситуация, в которой я не знаю, как поступить... и посоветоваться мне не с кем, – он опустил взгляд и уставился на преподавательский стол, – потому что в последнее время все словно говорят на разных языках. И каждый гнет свою линию. А понимания давно нет. Ни у меня с людьми, ни у них между собой...
- Вавилон, – заметил Семенов, посмотрев на Петровского и сложив на груди руки.
- Ну да, – тот поднял глаза, – в каком-то смысле и так...
- Семенов тоже опустился на стул напротив и сделал вопросительный жест руками.
- Ты хочешь посоветоваться со мной, Константин? – уточнил он.
- Получается, что так, – Петровский несколько раз медленно кивнул, – плохого вы уж точно не посоветуете. В общем, да, я не знаю, как поступить и хочу спросить у вас...
- Спрашивай, – разрешил Семенов, – попробую тебе помочь...
- Петровский сделал глубокий вдох, параллельно собираясь с мыслями.
- Антон Алексеевич, – начал он, упор глядя на преподавателя, – вот вы как считаете: разве зло можно оставлять безнаказанным?
- Вот как! – хмыкнул Семенов, – обширный вопрос задаешь, Константин. Я понимаю, что вряд ли могу ждать от тебя конкретики, но, может быть, объяснишь хоть немного более популярно?
- Даже не знаю, как... – Петровский покачал головой, опять пытаясь собрать мысли в кучу, – ну, допустим, случилось зло. Большое зло. Зло в отношении того, кто вообще этого не заслуживает, но он же и не способен дать адекватный отпор, понимаете? – Петровский взглянул на преподавателя и, убедившись, что тот внимательно слушает, продолжил: допустим, можно наказать это зло. Я могу наказать это зло! – он опять заглянул Семенову в глаза, – но в процессе могут вновь пострадать люди. Ну... те, кто захочет помочь мне сделать это. И я

не знаю, как быть. Кто-то говорит, что нужно остановиться и отпустить. Я вот так не считаю. И еще я прекрасно понимаю, что даже предоставляя людям выбор, я все равно играю на их гордости, фактически не оставляя шансов для отказа, – признался он, собравшись с духом, – ну... как-то так...

Петровский замолчал. Семенов барабанил пальцами по столу и тоже пока не спешил с ответом. Он встал и прошелся по кабинету, в конечном итоге остановившись у окна.

– Да, Константин, – произнес, наконец, Антон Алексеевич, – вопрос действительно непростой. С одной стороны, судя по тому, что ты рассказал и я даже, возможно, догадываюсь, о чем идет речь, это не твоя война, – он посмотрел на Петровского и сделал небольшую паузу, – с другой, один очень сильный человек, слишком известный, чтобы называть его имя, сказал примерно так: «Я бы мог не обратить внимания на выпад в свой адрес. Но никогда бы не прошел мимо, если бы на моих глазах обижали того, кто не способен себя защитить»...

– То есть, нужно действовать? – уточнил Петровский, глядя на преподавателя.

– В первую очередь, Костя, – Антон Алексеевич опять вернулся на свое место, – важно понять, ради чего ты или те, кто собирается помогать тебе, хотите сделать то, что сделаете. Если ради мести, удовлетворения собственных амбиций и гордыни – думать забудь. Это путь в никуда...

– Ну... а если нет? – Петровский приподнял брови, – понимаете, ведь если оставить зло безнаказанным, оно распоясается окончательно и завтра ее вообще убьют... блин! – он осекся и опустил глаза, поняв, что сболтнул лишнего.

– Если ты действительно хочешь защитить слабого, – продолжал Семенов, не акцентируя внимания на просчете Петровского, – тогда имеешь право решать сам. И отвечать тоже будешь сам. В индивидуальном порядке. И каждый, кто принимает то или иное решение, тоже в первую очередь отвечает сам. Вы все взрослые, Костя. Ты понял, что я хотел донести? – он внимательно посмотрел на Петровского.

– Да, – тот поднялся со стула, – кажется, я вас понял. Спасибо, что выслушали!

– Костя, куда ты собрался? – строго спросила Марина, во все глаза глядя на Петровского.

– Марин, дела... – уклончиво ответил он, накидывая пиджак. Он старательно избегал встречаться с ней глазами, отлично зная, насколько хорошо та его чувствует.

– Дела, на ночь глядя? – осведомилась она.

– Ну да, всякое бывает, ехать надо, – Петровский кивнул, – Мариш, не бойся, никого у меня, кроме тебя, нет. Клянусь тебе, что еду не по бабам! – он остановился и, улыбнувшись, посмотрел на нее.

– Знаю, что не по бабам, – тихо ответила Марина, – я тебя знаю, Костя, очень хорошо знаю. А еще вижу, когда у тебя что-то не так. Скажи, мне, что произошло?

– Ничего особенного, кое-что надо решить в кафе, – ответил Петровский, опять норвя покинуть квартиру.

– Нет у тебя никаких дел в кафе! – отрезала Марина, догоняя его в прихожей. Петровский посмотрел на нее. Она не верила, это было видно. Но и сказать ей, куда едет на самом деле, он не мог, он точно знал, что не пустила бы. Умерла бы сама, но не пустила...

– Мариш! – ласково начал он, – ну я тебе обещаю, все будет хорошо! – Петровский взял ее лицо своими руками, – веришь мне? Веришь? – он посмотрел ей в глаза.

– Это ты мне почему-то не веришь! – прошептала она, – а ведь я не давала поводов! Куда ты идешь, Костя? Что происходит в твоей жизни? – ее глаза увлажнились. Петровский понял, что еще чуть-чуть, и она заплачет. Он хотел поцеловать Марину губы, но та вырвалась и отстранилась.

– Марина, – он набрал полную грудь воздуха и стиснул зубы, чувствуя, как внутри волнами поднимается злоба, – я должен ехать. Надо помочь хорошему человеку. Ничего страшного или смертельного в этом нет, но и подвести его я не могу...

– А меня можешь? – очень тихо спросила Марина. Она все чувствовала.

– Все. Будет. Хорошо, – отчеканил Петровский, – просто поверь мне...

– Как я могу верить, когда ты все время что-то скрываешь? – сказала она, – я очень за тебя боюсь, понимаешь? Ты постоянно пропадаешь неизвестно куда, занимаешься непонятно чем, я очень боюсь, что с тобой что-то случится! – она почти закричала.

– Ничего со мной не случится, – ответил Петровский, опять начиная заводится, – Марина, мне правда пора. Поговорим с тобой утром...

– Утром? – она изумленно подняла брови, – ты что, уходишь на всю ночь?

– Я не знаю, как надолго уйду! – ответил он уже намного громче, глядя на Марину почти со злобой, – Марина, мне нельзя опаздывать, перестань, пожалуйста, меня задерживать! – он яростно сверкнул глазами

– Да иди, куда хочешь! – с обидой выпалила она.

Петровский молча кивнул и выскочил за дверь.

– Костя, я не то хотела сказать! – опомнившись, она выскочила вслед за ним, – я не то имела в виду, остановись!

– Все хорошо, я не умею обижаться! – отозвался тот, быстро спускаясь по лестнице, – спать ложись, утром поговорим! – с этими словами он быстро миновал два пролета и покинул подъезд. Марина сделала тяжелый вздох и, прислонив руки к лицу, сползла вдоль стены.

Сюда съехалось множество машин. Наверное, сверху массив, не привыкший к такому оживлению, напоминал гнездо светлячков из-за света фар да фитильков сигарет. Все присутствовавшие переговаривались между собой, бродили туда-сюда, кто-то нервничал, кто-то наоборот смеялся и находился в приподнятом настроении...

Петровский окинул взглядом собравшихся. Все его люди, само собой, пришли. Был и Макаров. Пришел один, как и обещал днем, но пришел, не остался в стороне. Костомаров, как и всегда, оказал серьезную посильную поддержку. Вместе с ним приехал ЧОПовец Женя Колокольцев и с десятков его коллег – все, как на подбор, крепкие, подготовленные ребята. Также Костомаров подтянул сюда пяток своих коллег, которые, по крайней мере, на первый взгляд тоже производили серьезное впечатление. Еще на двух машинах приехали боксеры из зала, в который ходил Джамал – всего семь человек, восемь, считая самого Джамала. Петровский еще раз посмотрел на переговаривавшихся между собой участников предстоявшей этой ночью акции и повернулся к Костомарову.

– Твои все здесь? – уточнил он.

– Все, – Иван утвердительно кивнул.

– Джамал тоже говорит, все собрались, – задумчиво проговорил Петровский, закуривая, – ну, и моя гвардия вся в сборе, соответственно...

Костомаров ухмыльнулся в сгущавшейся темноте.

– Ты уж извини, Ванек, что накануне отправки в армейку втягиваю в такое... – начал Петровский.

– Да нет проблем! – тот похлопал друга по спине, – волноваться надо тебе. Я-то как раз отыграю сегодняшнюю партию, да свалю на годик в какую-нибудь часть под «Зажопинском»! А там уж точно все уляжется, так что я здесь страдаю меньше всех! – он улыбнулся Петровскому, – если сегодня жив останусь!

– Сплюнь, балбес! Ну что, начинаем? – он опять бросил взгляд на собравшихся и громко хлопнул в ладоши, – ну что, господа, собрались, вроде, все! Все же в курсе, с какой целью сбор и что произойдет в ближайшее время? – он окинул взглядом толпу. Все утвердительно закивали, – скрывать не буду, дело опасное! Но, если сделаем все быстро и правильно, проблем возникнуть не должно! Основная цель: выбить из отморозков информацию и наказать их, если виновны. Ну как, точно никто не передумал?

Петровский смотрел на стоявших в свете фар машин ребят. Все молчали. Похоже, не передумал никто.

– Отлично! – он кивнул и продолжал, – у нас есть три адреса, это три уroda, а точнее, компании уродов. Разбиваться будем на три группы в соответствии с их предполагаемым количеством и сложностью ситуации. Делаем так, пацаны: Фрол, Славик, Асхат, вы со мной! Навестим бугая по имени Сева и потолкуем с ним по душам! – все четверо закивали, – Джамал, берешь своих бойцов, Соловей, тоже с ними! Катите в гадюшник, где тусуются дембеля и прессуете их по полной программе! Ванек! – он повернулся к Костомарову и сказал уже чуть тише, – у вас самое сложное и, по ходу, самые отморозки. Поэтому берешь всех своих, и едете к тому кабаку, про который я говорил. Устройте заварушку – они все выпрыгнут. Самое главное: не лезьте в бутылку! Если ситуация будет слишком серьезной, снимайтесь без промедления и отходите, хорошо? – он с надеждой посмотрел на обычно очень упрямого Костомарова.

– Хорошо, Костян, – тот не стал спорить, но Петровский от этого волновался еще больше.

– Даю в помощь лучшего из своих людей, – Петровский похлопал по спине Макарова, стоявшего в стороне с мрачным и недовольным видом, – кто не знает: чемпион нашего ВУЗа по «рукопашке», надежный парень! Серег, едешь с ними, оказываешь посильную помощь! – Петровский подмигнул ему и отошел немного в сторону, – ну что, господа, двинули? Отморозки ждать не будут! Постарайтесь никого не убить!

Приближаясь к своей машине, он на секунду обернулся и встретился взглядом с Макаровым. Тот осуждающе покачал головой и направился к транспорту вместе с людьми Колокольцева, проверявшими готовность травматических пистолетов и электрошокеров. Петровский кивнул своим и, сев в автомобиль, тронулся с места. Все остальные тоже покидали место сбора, разрезая ночную темноту множеством огней...

То, что произошло дальше в северо-западном округе, можно было назвать лишь одним словом: побоище. Вряд ли погруженный в ночную тишину Нобельск мог ожидать такого. Вряд ли кто-то был готов к такому. Вряд ли кто-то из участников и свидетелей событий скоро забудет эту ночь...

Сева вряд ли был причастен. Вряд ли он что-то знал, ибо захлебываясь в ледяной воде в собственной раковине в своей же квартире, не сознаться сложно. Его приятель, выскочивший на шум, правда, успел вскользь задеть Петровского отверткой, оставив неглубокую кровоточащую рану, после чего был повален на пол и избит до потери сознания. Сомнительно, чтобы соседи, привычные к их дебошам, звонили в полицию...

Дембеля, матерясь, отхаркивая собственную кровь, кричали, что понятия не имеют, о чем идет речь. Их вместе с еще парой сомнительных парней и таких же сомнительных девиц поймали возле ночного ларька. Досталось и одной из девок, додумавшейся полезть в драку и пускать в ход зубы. Один из боксеров Джамала, которому та и прокусила руку, ударил наотмашь, отправив ее в нокдаун – скулить и закрывать разбитое лицо рукой. Дембелей для приличия попинали, после чего оперативно скрылись: продавщица из ларька, окно которого случайно разбили камнем, могла успеть позвонить куда угодно...

Кровавое побоище разыгралось и на другом конце района, возле бара, в который всегда ходила вся компания Косого. На «поговорить» там времени как-то не хватило. Едва узнав, что перед ними те, кто нужен, начали бить. Профессионально, жестко, со знанием дела. Противников тоже было очень много, они были очень злые и оборонялись, как могли. Летали стулья,

бутылки, воздух рвали выстрелы, свистели, врезаясь в плоть и ломая кости пули из травматических пистолетов, бились стекла, там и здесь в разных позах лежали поверженные люди, возможно, и те, кто попал под горячую руку случайно... и Макаров тоже был вынужден участвовать и отбиваться от нападавших со всех сторон. Он даже не знал, убил он парня, который от удара ногой врезался головой в стену или тот просто потерял сознание, думать не было времени...

Когда кто-то применил в помещении перцовую эссенцию, еще целые дерущиеся переместились на улицу, где еще некоторое время были слышны крики, звуки ударов и бьющегося стекла, топот множества ног...

Еще нескоро Нобельск позабудет эту ночь...

– Ты дома так и не был? – Славик смотрел на Петровского озабоченным взглядом.

– Нет, – тот покачал головой, с трудом приподнявшись на диване, – в кафе ночевал. Дома Маринка, куда я к ней с этим... – он чуть приоткрыл рубашку, демонстрируя зашитую вчера рану. Голова все еще кружилась: несмотря на то, что порез был неглубоким, крови Петровский потерял прилично и теперь только-только начинал восстанавливать силы.

– Хоть созванивался с ней? – Фролов тоже был здесь. Дмитрий был более-менее цел, в отличие от Макарова, которому вчера повезло меньше: сильно заделали по лицу в массовой драке. Несмотря на то, что силовая акция прошла без реальных потерь, все сейчас были чернее тучи: произошедшее выходило за всякие рамки, пострадало много народа, был нанесен вред имуществу, до сих пор не было доподлинной информации о наличии либо отсутствии реальных жертв с той стороны. Логинов с самого утра смотрел местные новости, пока что о ночном инциденте ничего сказано не было...

– Созванивался, а что толку! – Петровский с досадой отмахнулся и поморщился от боли, которая незамедлительно дала о себе знать, – дома не ночевал, не пришел до сих пор. Она, по ходу, собрала вещи и уехала обратно на съемную хату к своей подружке...

В зале кафе появились студенты с факультета управления. Поздоровавшись с Фроловым и заняв соседний диван, они стали озирались. Петровский кивнул официантке, чтобы обслужила. Парни о чем-то весело переговаривались, он особо не вслушивался в разговор.

– Что будешь делать? – спросил Дмитрий, когда они немного помолчали.

– Поживем – увидим, – слабым голосом ответил Петровский, – надеюсь, переберется, поймет...

– Знаешь, Костик... – пробормотал Фролов, – ты меня, конечно, извини, но такое реально проблематично понять. Ты же ей ни хрена не объясняешь. А Маринка – далеко не дура...

– Все, Фролов, не грузи! – Петровский опять отмахнулся.

– Так, Костик, сейчас берешь и плотно ешь! – сказал Славик тоном, исключавшим любые возражения, – и только посмей мне спорить, на тебе лица нет! Надя, иди сюда! – он позвал официантку к их столику, – сделай супчик хороший, салат, мяса и соку принеси сразу графин... нет, два графина! – решительно заявил он.

– Аппетит ни к черту... – просипел Петровский.

– Потому что накручивать себя надо заканчивать! – Славик очень строго посмотрел на друга, – и нормально поесть, а не заниматься фигней!

– Понял, понял, пап! – Петровский слабо улыбнулся, – мне вот интересно, дало ли это все результат...

– Ты о чем? – Фролов удивленно поднял брови.

– Ну, причастен ли кто-нибудь из вчерашних отморозков к нападению на Аньку! – Петровский заговорил еще тише, – Сева точно не гнал, когда тебя в раковине топят, хочешь-не хочешь, а сознаешься...

Фролов мрачно ухмыльнулся, вспоминая вчерашнюю ночь.

– Близнецы тоже отпирались, – добавил он тоже очень тихо, – хотя, может и наврали...

Студенты за соседним столиком тем временем громко включили какое-то видео на планшете и теперь во все глаза пялились в экран. Были слышны восторженные вопли и мат. Фролов раздраженно обернулся, но Петровский осторожно взял его за плечо и знаком велел не лезть к посетителям. Фролов кивнул.

– Ванек сказал, с Косым и компанией разговора как-то вообще не получилось, – задумчиво произнес Петровский.

– Кстати, как он? – спросил Славик.

– Да нормально, – Петровский кивнул, – словил по шам пару раз, а так цел. Ему бы в армейку укатить побыстрее. На случай, если здесь реально начнется разбирательство по вчерашнему...

– А ты думаешь, не начнется? – Фролов фыркнул, вновь покосившись на смотревших видео студентов. Теперь и Петровский обратил внимание: на экране планшета какие-то девицы увлеченно лупили друг друга прямо на улице. Он сделал глубокий вдох и также медленно выдохнул.

– Не знаю я, что начнется, а что нет, – ответил он, – сейчас остается только сидеть тихо. Алиби, если что, у всех есть. Рожи особо не светили. Где они теперь нас искать-то будут. В северо-западный теперь, конечно, долго никому соваться нельзя, узнают кого, могут просто убить... но и нужды, вроде, нет...

– Да ну Костя, чтобы сделать такое с девчонкой, надо быть законченным отморозком, – Фролов дернул плечом, – а всех конченных мы вчера и прессанули. Меня вот больше пугает, как бы правда искать не начали...

Петровский вновь покосился на экран планшета, где продолжали шипеть и материться две девицы, параллельно прикидывая кое-что в голове.

– Да вы попутали эту х...ю смотреть?! – Фролов разозлился окончательно и резко обернулся к перепугавшимся студентам, – вы одни здесь, по-вашему?!

– Да погоди, ты отвали от них! – одернул Петровский, глядя на экран уже безотрывно, – я вот тут знаете, что подумал... и правда, чтобы сделать такое с девчонкой, нужно быть или законченным отморозком... или самому быть девчонкой! – Петровский оторвал глаза от планшета и повернулся к Фролову и Логинову, – парни, я сейчас либо окончательно тронулся, либо мы изначально искали не в том направлении...

– Чего? – Фролов изумленно вытаращился на него, – я не понял, Костя, ты о чем?

– А вот об этом! – Петровский указал глазами на смотревших видео студентов, – знаешь, на какую жестокость способны бабы по отношению друг к другу? Нам такое и не снилось!

– Допустим, дальше-то что?

– А дальше, открывай-ка соцсети, Дима и ищи Анькиных подруг, которые живут в северо-западном! Сдается мне, либо не поделили что-то, либо уж точно что-то знают...

Петровский покосился на Логинова. Тот лишь развел руками и промолчал.

– Костян, что опять за теории?! – Фролов рассерженно посмотрел на него.

– Сердце подсказывает, – Петровский слабо улыбнулся, – Дима, просто открой ее друзей в соцсетях, сделаешь?

– Сделать-то сделаю, дальше что?! – Фролов рассердился еще больше, – Костик, только не говори, что после всего ты опять хочешь сунуться в северо-западный! – он взглянул на Петровского. Тот лишь продолжал ухмыляться, – нет, ты точно отморозок! Да если тебя хоть кто-

то узнает, посадят или башку открутят раньше, чем ты пикнешь! Чего тебе еще надо, ты и так поставил весь город на уши, мать твою волшебницу!!!

– Не теряй время, – отрезал Петровский, – давай, Дима, в темпе...

Фролов обиженно надул губы, но достал свой планшет и подключился к сети. Пару минут он пролистывал страницы, затем развернул экран на всеобщее обозрение.

– Вот! – он ткнул пальцем, – Богусонова Мария, числится в близких подругах, живет там же, в северо-западном. И что думаешь, она...

– Я пока ничего не думаю, – Петровский размял плечи, – думаю, что надо потолковать с этой Богусоновой и все разузнать. Чует мое сердце, мы на правильном пути... поехали!

– Пока не поешь, никуда не поедем! – теперь рассердился уже Славик, – ехать он собрался, в зеркало себя видел? Надя, ну скоро там еда?!

– Пять минут! – пискнула официантка и заспешила на кухню.

– Салат сразу можешь нести, если готов! – напутствовал ей вслед Славик.

– Нет, Костя, ты реально спятил?! – Фролов постучал пальцем по своему лбу, – да нельзя нам туда соваться!!! Славян, ну ты хоть скажи ему, у тебя же мозги есть, ну! – он с надеждой посмотрел на Логинова.

– В принципе, мы трое засвечены не так сильно, – задумчиво произнес тот, откинувшись на спинку дивана, – вряд ли стоит всерьез бояться этого Севу, да и в ментовку наркоша обращаться, скорее всего, не будет. Опаснее всего сейчас ситуация для Ванька с его ребятами. И для Макара! – на этих словах он посмотрел на Петровского с долей укоризны. Тот лишь пожал плечами, – короче, давайте, правда, съездим, может, расскажет эта Маша Богусонова что-то, чего мы не знаем...

Фролов фыркнул и скрестил на груди здоровенные руки.

– Интересно, с чего вы вообще взяли, что она дома? – осведомился он.

– В воскресенье с утра пораньше? Где ей еще быть! – Петровский опять усмехнулся, – надо ехать, чем скорее, тем лучше. Не смотри так, папуля, поем я, поем! – заверил он Славика, поймав его сердитый взгляд. Официантка Надя тем временем принесла угощение. В этот самый момент Петровский почувствовал, что действительно сильно проголодался и без промедления накиннулся на еду.

– Да я не понимаю, о чем вы! – Маша Богусонова попыталась развернуться и уйти в свою квартиру, но Петровский схватил ее за руку, –пусти, ты, я закричу! Да мой папа...

– Да твой папа тут же узнает, в каких компаниях ты вращаешься! – зашипел на нее Петровский, – давай, ори, мешать не буду! Значит так, Машуля, я в игры с тобой играть не собираюсь! Не знаю, что там у вас произошло, но если ты хоть какое-то отношение имеешь... да что я с тобой разговариваю, Слав, звони ментам! Сейчас будем разбираться, сдастся мне, эта подруга Аньку и отоварила...

Логинов достал из кармана сотовый телефон. Богусонова посмотрела на них почти с ужасом.

– Да стойте, вы что, дебилы?! – выкрикнула она, переводя затравленный взгляд то на одного, то на другого, – да чтобы я Аньку хоть пальцем...

– А это уже опера разбираться будут! – пообещал Петровский, – Слава, ты замерз? – он с наигранным раздражением посмотрел на Логинова, – звони, вызывай, говорю!

– Да не трогала я ее!!! – завопила Маша на весь подъезд.

– Да ну, а кто тогда? – Петровский скривился, – да гонишь ты все, ну ладно, нам не хочешь говорить, ментам все расскажешь, как миленькая... они, поверь, умеют разговаривать...

– Да не я это, не я! – отчаянно закричала Маша, хватая Славику за руку, в которой тот держал телефон, – да не звоните никуда, не я это! Знаю, кто, скажу вам, только не надо ментов...

– В чем дело?! – дверь квартиры распахнулась и на лестничной клетке показался худощавый мужчина в очках и домашних тапочках, – вы кто такие?! – он сердито посмотрел на Петровского и Славику.

– Пап, все нормально, уйди пожалуйста! – взмолилась Маша.

– Но...

– Пап, уйди!!! – рывкнула Богусонова. Мужчина покачал головой и скрылся за дверью, вызвав презрительную ухмылку Петровского и тяжелый вздох Логинова.

– Так что там с нашими баранами? – осведомился он.

– Короче... – Маша опасливо огляделась, – только вы меня не сдавайте, ладно?

– Страшно стало? – Петровский поднес свое лицо в упор, – давай, колись, а то все твои страхи покажутся тебе сущим пустячком это я тебе обещаю устроить! – прошипел он.

– Короче, Янка Мезинцева это из соседнего двора, – выдохнула Маша, – и подружка ее, Наташка. Точно вам говорю, они это... – она с опаской посмотрела на Петровского. Тот хмыкнул и переглянулся со Славиком.

– Что за Янка Мезинцева и откуда такая уверенность, что это они? – спросил Петровский, глядя на Машу в упор. Девушка боялась, это было видно хорошо. Как боялась и Аня. Похоже, они действительно, наконец, нащупали нужную нить...

– Местная гопница, – пояснила Маша, – от мороженая на всю голову с...а! – Богусонова достала сигареты и закурила, несмотря на то, что стояла прямо перед дверью своей квартиры и отец, как выяснилось, был дома и, скорее всего, сейчас подглядывал в дверной глазок, – короче, это я виновата... – Маша замолчала и опустила глаза.

– Виновата в чем, давай в глубину проблемы! – нетерпеливо потребовал Петровский.

– В общем, начала я с Виталькой встречаться, месяц как! – пояснила Маша, посмотрев на него, – ну, Виталька, это, короче, Янкин бывший, понял? Ну, порвали они давно уже, а этой твари все нейдет! Ну... вот она на меня и наехала. Стрелу забить пыталась, я не пошла никуда, конечно, она же совсем от мороженая эта Мезинцева. Короче... – Маша сделала паузу, вновь опасливо косясь на Петровского, – ну, она пообещала, что если не приду, подругам моим п...а будет...

Маша замолчала и выпустила в воздух сигаретный дым.

– Понятно, – Петровский медленно кивнул, – ну, и где ж нам твою Янку Мезинцеву искать-то теперь?

– Да ясно, где, тут сквер поблизости, там они и трутся постоянно! – Маша презрительно фыркнула, – с ними еще гоп-компания бывает, пацаны, кстати, тоже... – она выразительно посмотрела на Петровского.

– Ясно, – тот снова кивнул, – смотри, если обманула...

– Я тебе правду сказала! – заявила Маша.

– Фотки этих подруг есть у тебя? – осведомился Петровский.

– У меня лично нет, на хрена они мне? – Маша скривилась, – в сеть зайдешь, там есть они!

Петровский достал телефон и провел по экрану, входя в поиск. Маша с интересом заглянула ему через плечо.

– Вот! – она кивнула головой, – вот Янка Мезинцева! Вот они с Наташкой как раз на «аватарке»!

– Ну и кадры! – хмыкнул Петровский, демонстрируя снимок Славику, который тоже улыбнулся, – неудивительно, что этот Виталька от нее сбежал! – он убрал сотовый в карман, – ладно, живи пока! – обратился он опять к Богусоновой.

– Слушай, а вы что делать-то собрались? – та испуганно округлила глаза.

– Башку себе не забивай! – Петровский отвернулся и сделал знак Славику, – и это... отца так больше не посылай! Он у тебя один... – добавил он, на секунду обернувшись, – да, еще одно! – глаза Петровского очень недобро сузились, заставив Машу сглотнуть и вжаться в стену, – позаботься о том, чтобы больше нигде и никогда со мной не пересекаться. Я с тобой не шучу. Свободна!

Вместе с Логиновым они спустились на три пролета вниз по лестнице. Маша проводила их взглядом и, облегченно выдохнув, швырнула окурок на пролет вверх.

– Что будем делать? – негромко спросил Славик.

– Пора заканчивать с этим, меня достали все эти гопники! – ответил Петровский, – давай-ка подтягивай всех наших. Поедем, потолкуем с Яной Мезенцевой и ее подружкой Наташей.

Долго искать этих «дам» не пришлось. Они действительно с самого начала дня распивали пиво из жестяных банок в ближайшем сквере на лавочке. Девушек здесь было всего две, те самые, кого искал Петровский. И еще пятеро парней соответствующего вида.

– Они? – Асхат кивнул на улицу.

– Они, – Петровский кивнул, – короче, берем этих двух с...к и в машину к Фролу. Соловей и Макар уже на месте. Полезут эти, – он указал на мужскую часть «теплой компании», – не церемоньтесь. Все, двинули!

Два автомобиля быстро приблизились и остановились возле лавочек, где расположилась гоп-компания. Петровский, Фролов, Асхат, Джамал и Славик выбрались наружу. Само собой, компания моментально обратила на них внимание.

– Пацаны! – Петровский окинул взглядом всю компанию и упер руки в бока, – к вам претензий никаких! А вот эти две лярвы! – он указал на девиц, – сейчас прокатятся с нами, потолковать надо!

– Чего?! – «джентльмены» переглянулись. Расклад сил на их взгляд был равным, что позволяло немного покачать права.

– Слышишь, козел, кто лярва?! – из толпы выдвинулась та самая Яна Мезенцева и агрессивно уставилась на Петровского. Тот оскалил зубы и тоже посмотрел на нее.

– Слышишь, Вася, ты за базаром-то следи, ты... – вперед выдвинулся один из парней.

Договорить он не успел. Петровский мило улыбнулся, стоя к нему боком. В руке находившегося рядом Джамала была небольшая бита, которую он совершенно неожиданно даже для последнего выхватил и с размаху ударил приближавшегося парня в лицо. Тот, осекшись на полуслове, рухнул, как подкошенный.

– Ты, падла!!! – двое бросились вперед. Еще двое замешкались. И на свое счастье, потому что один из кинувшихся в драку, мгновенно получил в живот заряд из травматического пистолета. Петровский перехватил второго и швырнул на асфальт, с перекошенным лицом заноса биту над головой...

– Костик, не надо!

Славик бросился к нему, но поздно. Оружие в руках Петровского уже обрушилось на парня сверху.

– Ты чего хотел?! – он орал не своим голосом, чувствуя, как злость окончательно выходит из-под контроля. Отшвырнув биту в сторону, он ударил лежавшего на земле противника ногой по ребрам. Тот отчаянно застонал, а Петровский обогнул с другой стороны и зарядил по рукам, которыми жертва отчаянно закрывала голову.

– Держи этих! – опомнившись, Джамал и Асхат бросились за двумя девицами, которые, видя, что их защитники проигрывают, попытались броситься наутек. Их догнали спустя пару

секунд. Оставшиеся двое парней бросились было на помощь, но один был жестко нокаутирован встречным ударом от Фролова, второй испуганно отпрянул под дулом пистолета.

– Назад, с...а, башку пробью! – рявкнул Дмитрий, угрожающе взводя курок.

– Как вы меня достали, вонючая лимита, вы ублюдки, с...а, вы понимаете, что вы ублюдки?! – Петровский схватил за волосы лежавшего на асфальте парня и дернул вверх, опять заставив кричать от боли, – ты г...о, понял? Ты понял меня?! – взревел он.

– Понял, понял! – пискнул тот, дрожа от ужаса. Девицы, которых тем временем тащили к машинам, визжали и вырывались. Еще какая-то компания, проходившая неподалеку, предпочла ничего не замечать и просто ретироваться.

– С...а, заткнись!!! – Джамал отвесил сильную оплеуху попытавшейся укусить его девице, после чего пинками загнал ее в машину, – тоже хочешь?! Пшла в машину!!!

Вторая, перепугавшись окончательно, перестала сопротивляться и послушно села в машину Фролова. Славик схватился за голову, видя, что парни окончательно потеряли контроль от ярости.

– Уходим! – крикнул он Петровскому, который все еще тряс свою жертву и что-то орал...

– Расскажите об этом хоть кому-то, вам край! – тот опять швырнул жертву на асфальт и закричал на всех, – я ваши семьи вырежу: матерей, братьев, сестер, всех, поняли, выродки сучьи?! – он почти визжал, уже не помня себя от злости и ненависти. Ему казалось, что еще никого в своей жизни он не ненавидел так сильно. Ему хотелось убивать этих дрожавших от ужаса пацанов. Единственный, оставшийся на ногах парень, дрожал всем телом и стучал зубами так, что казалось, это было слышно даже в таком шуме...

– Костя, уходим! – Логинов схватил его и насильно потащил к машине. Петровский продолжал яростно смотреть на своих жертв, но сопротивляться не стал. Еще через несколько секунд он вернулся к реальности, постепенно оправляясь от нервного срыва.

– Валим! – крикнул он, – поехали! С...и, никому ни слова! Урою!!!

Обе машины резко рванули с места.

Автомобиль Соловья уже стоял у кромки леса. В ожидании приятелей тот курил, поглядывая на пустынную дорогу. Макаров остановился в стороне, скрестив руки на груди и мрачно осматриваясь.

Машины Петровского и Фролова показались спустя несколько минут. Петровский вышел на улицу и пожал руку Соловью. Макаров смотрел на него со стороны, но подходить не стал.

– Все готово?

– Да, – Соловей кивнул, – вон там местечко отличное! – он показал рукой в сторону леса.

– Прекрасно, – Петровский кивнул и сделал приглашающий жест. Насмерть перепуганных девиц силком вытащили из автомобиля Фролова.

– Пустите! Куда вы нас тащите?! – отчаянно вопила та самая Мезенцева, – ах ты ублюдок! Пусти!

– С...а, заткнись!!! – рявкнул Джамал, – мало тебе, мало?!

Асхат ничего не говорил, лишь крепко держал вторую, таща ее из машины.

– Туда вон ведите! – Петровский указал направление и сам пошел следом.

– Петровский, ты что задумал?! – вполголоса спросил Макаров, с ненавистью глядя на него. Петровский поднял глаза и, улыбнувшись, похлопал того по плечу.

– Доверься мне, Сережка! Я ведь тебя ни разу не подводил, да?

Они двинулись вглубь лесопосадки. Девицы дрожали от страха, периодически опять начиная угрожать, то молить о пощаде, то снова угрожать, то предлагать невесть что...

– Здесь вот! – Соловей кивнул, – место нормальное, пацаны!

Они остановились на небольшой полянке, заканчивавшейся овражком. Петровский сделал жест головой, и обеих девиц спихнули вниз. Одна потеряла равновесие и содрала руки о землю и колючки. Снизу на них уставились две пары зареванных, насмерть перепуганных глаз...

– Ну что? – Петровский ловко спрыгнул к ним, – пора отвечать за свое, ш... и малолетние!

– Ты о чем, парень?! – сквозь слезу проговорила Мезенцева, – вы нас с кем-то перепутали, ребята!

– Да ну?! – Петровский резко протянул руку и схватил ту за подбородок, – врешь, дрянь! Или тупишь! Аньку Савельеву знаешь? По глазам вижу, что знаешь, с...а! – он заскрипел зубами от ярости.

– Какую Аньку, я тебе клянусь, я не...

– Врешь, тварь поганая!!! – взревел Петровский и отвесил Мезенцевой сильную оплеуху, да так, что та мотнула головой в сторону, вскричав от нестерпимой боли, – врешь! Врешь, дрянь! – еще оплеуха, – сознавайся! Говори! С...а, говори!!! – он ударил еще дважды. Яна отчаянно взревела от боли и унижений и легла лицом прямо на грязную землю, крича и содрогаясь всем телом...

– Остановите его, вы что творите?! – Макаров бросился вперед.

Джамал перегордил дорогу и без разговоров упер пистолет ему в голову. Он остановился, в недоумении и ужасе глядя на одноклассника.

– Ты что, больной? – проговорил Сергей осипшим голосом. Его нижняя челюсть предательски задрожала.

– На месте стой спокойно! – очень тихо произнес Джамал, глядя на него. Сергей заглянул в глаза и понял: он не шутит. Ему все равно, если понадобится, он выстрелит и закопает его здесь же, с этими девицами, – какие же вы уроды... – из глаза Макарова против роли выкатилась слеза. Он покосился на Логинова, но тот лишь стоял, ничего не предпринимая.

– Что ты смотришь, тоже хочешь? – Петровский повернулся к Наташе. А затем схватил ее за горло и притянул к себе.

– Нет! Нет, умоляю, мальчики, не надо!!! – вскричала та, заливаясь слезами.

– Савельеву Аньку вы, говори, мразь! – Петровский сильно сдавил.

– Пусти! Мы, мы, пусти, прошу тебя! – девушка зашлась лихорадочным кашлем.

– За что?! – Петровский отпустил горло и болезненно сдавил той щеки, – она в жизни своей мухи не обидела, ты, уродка моральная!

Мезенцева все еще лежала на земле лицом вниз, продолжая всхлипывать.

– Мы... – Наташа не находила слов, – мы... ее подруга, эта...

– Все, заткнись!!! – Петровский швырнул ее на землю рядом с подругой, – не смей оправдываться, дрянь, слушать противно!

Сплюнув на землю, он выбрался из овражка и, отряхнув руки, повернулся к своим.

– Больших кусков мяса в жизни не видел! – с отвращением сообщил он, – а раз они – куски мяса, то и обращение соответствующее. Давай, пацаны!

Как по сигналу, Асхат и Соловей спустились в овражек. Опять послышались вопли девиц, затем звук оплеухи – не такой сильной, как от Петровского, но все же ощутимый. Затем лишь поскуливание и звук раскрывающейся молнии.

– Вы что творите?! – процедил Макаров, яростно глядя на Петровского. Под дулом пистолета он не решался дернуться с места, но при этом его трясло от ненависти к поделщикам, – остановитесь! Остановитесь, уроды!!! – вскричал он.

– Нет! Не надо, пожалуйста! – опять послышался голос одной из девиц.

– Славик! Славик, скажи им, ты чего?! – взмолился Сергей. Но Славик не реагировал, – вы все – уроды конченные! Я вас ненавижу! Ненавижу!!! Что ты делаешь, Петровский?! Посмотри на меня, урод! Чем ты тогда лучше них, если торिшь такое?! Чем ты лучше их?! –

взревел Сергей и, окончательно потеряв контроль над собой, зашелся рыданиями и рухнул на землю, закрывая лицо руками, – твари!!! Мерзкие отороженные твари!!!

Пару секунд Петровский, ухмыляясь, смотрел на рыдавшего на земле Сергея. Затем, переглянувшись с Джамалом, громко щелкнул пальцами.

– Ладно, достаточно!

Асхат и Соловей мгновенно отпустили девиц и поднялись из овражка, отряхивая одежду.

– Ты что, реально думал, я позволю своим парням прикасаться к этим про... м? – Петровский посмотрел на Сергея, тело которого продолжало содрогаться от всхлипываний, – еще подхватят что-нибудь...

Макаров сел на землю, продолжая мелко дрожать от отчаяния и злости, пытаясь вытереть слезы. Рука была вся в грязи, и он больше размазывал по лицу грязь, но уже не обращал на это внимания. Джамал достал сигарету и прикурил ее «пистолетом», которым минуту назад угрожал Макарову.

– Я тот давно уже слил! – сообщил он, похлопав Сергея по плечу, – грязи на нем многовато...

– Все, пошли отсюда! – распорядился Петровский, – а то меня стошнит! Макар, пошли!

Сергей медленно поднялся на ноги и, глядя на Петровского полными ненависти и слез глазами, поплелся за всеми остальными. У самых машин Славик остановил Петровского и, пропустив ребят вперед, очень тихо сказал:

– Это было очень гадко с твоей стороны, Костя! Я обещал не вмешиваться, но ты перешел все границы! Парень почти сломался, за что ты так с ним?

– А чтобы понял, наконец, что в мире нет ничего добренького и хорошего! – прошипел Петровский, крепко схватив друга за плечо, – и научился верить тем, кому надо, а не ждать добра от всякой мрази!

– Руку опусти! – потребовал Славик, без намека на страх глядя Петровскому в глаза, – и иди поспи, наконец. Тебя слишком занесло, Костик! Еще чуть-чуть, будет не вернуть!

– А может, я и не хочу возвращаться! – Петровский криво ухмыльнулся и направился к своей машине. Соловьев уже завел свою. Асхат сел в салон к Фролову. Макаров остановился поодаль, глядя на всех исподлобья.

– Чего застрял, едешь? – Джамал выглянул из машины Петровского.

– Да пошли вы все! – сквозь зубы, но очень громко и четко проговорил Макаров, все еще едва заметно подрагивая после пережитого шока.

– Сереж, не дури, поехали! – Славик попытался взять его за плечо, но Макаров грубо стряхнул с себя его руку.

– Оставь его, пусть прогуляется, поразмыслит! – выкрикнул Петровский, подначивая. Даже не оборачиваясь на Макарова, он сел за руль своей машины и резко тронулся с места, не попрощавшись с остальными.

– Сереж... – опять начал Славик.

– Проваливай!!! – взревел Сергей не своим голосом.

Логинов покачал головой и, развернувшись, пошел к автомобилю Фролова. Макаров неподвижно стоял, наблюдая, как автомобили трогаются с места и уезжают вдаль. А затем медленно побрел в сторону города.

13. Стекланный мир

Октябрь 2013

– Спасибо! – Макаров расплатился с таксистом и вышел у знакомого подъезда. На улице пока еще было по-летнему тепло, хотя доходила середина октября. После чудовищных событий прошло больше трех недель, он немного оправился от полученного тогда шока. С Петровским или кем-то другим он за все это время не перекинулся ни словом. Сам Петровский, впрочем, тоже не пытался инициировать общение. Единственным, кто старался как-то наладить контакт, был Славик Логинов, но Макаров старательно избегал его. Может, и зря.

Домофон в который раз был сломан. Сергей поднялся на нужный этаж и позвонил в дверь.

– Сейчас-сейчас! – Даша открыла спустя минуту. На ней были домашние шорты и футболка, – привет! Заходи! – она улыбнулась и, пропустив Макарова, закрыла за ним дверь.

Войдя в квартиру, Сергей повернулся к ней.

– Привет! – он обнял Дашу за талию. Та заулыбалась и, приблизившись, поцеловала его в губы. Сергей ответил на поцелуй, аккуратно положив на тумбочку цветы, которые заблаговременно купил.

– Мог уже так не заморачиваться! – рассмеялась Дарья, – не надо мне от тебя ежедневных подарков, я и так тебя люблю!

– И я тебя люблю! – Макаров улыбнулся и вновь поцеловал ее.

– Проходи в комнату! – велела Даша, – будешь что? Да, Сереж, ко мне подруга заскочит на некоторое время, ты же не против? Она ненадолго. Заодно познакомьтесь! – она подмигнула и поцеловала его в щеку.

– Ольга? – Макаров приподнял брови, – да мы знакомы, вроде как...

– Нет, другая подруга, – ответила Даша, за руку уводя Сергея в комнату, – падай!

Макаров сел на диван. Даша рядом. Он притянул ее к себе и вновь приобнял. Та рассмеялась, но не отстранилась. И в этот момент раздался звонок в дверь.

– Оперативно! – Дарья обернулась, – по ходу, она! Не волнуйся, долго мучить тебя не будем! – она рассмеялась и, плавно выскользнув из рук Сергея, отправилась открывать дверь подруге.

Макаров откинулся на спинку дивана и с улыбкой посмотрел в окно, за которым ярко светило осеннее солнце. Все-таки ему было очень хорошо с Дашей. Кроме мамы она, пожалуй, была еще одним светлым моментом, благодаря которому он мог отвлечься от всего ужасного, что совершил за последний год...

– Наташ, проходи, познакомься с Серегой, я тебе рассказывала, мой парень! – весело щебетала Даша, ведя ту самую подругу в комнату, – Серег, знакомься, Наташа!

– Добрый день!.. – Макаров поднялся с дивана и повернулся к вошедшим девушкам. И в ту же секунду, встретившись с Дашиней подругой глазами, осекся...

Он никогда бы не смог забыть это лицо. Все в слезах и грязи, униженно опущенной в прохладную землю. В лесу. Три недели назад. Это была она. Одна из тех двух девушек. Подруга Мезенцевой...

Буквально секунду она тоже смотрела на Макарова. А потом взвизгнула и отпрянула назад, в коридор. Даша изумленно посмотрела на свою подругу.

– Подождите пожалуйста, я все... – Сергей сделал шаг вперед, подняв левую руку.

– Не подходи ко мне! – истерично выкрикнула Наташа, выставляя вперед руки

– Да я...

– Не подходи, ублюдок!!!

Попавшаяся ей под руку металлическая ложка для обуви с чудовищной силой полетела в Макарова, едва не задев вскрикнувшую и чудом уклонившуюся Дашу. Ее подруга забилась в угол и зашлась истеричными рыданиями. Опомившись, Дарья подбежала к ней и схватила за руки.

– Даш, я... – Сергей опять попробовал сделать шаг по направлению к ним.

– Стой, где стоишь! – выкрикнула Даша, угрожающе ткнув в него указательным пальцем, – Натусь! Натусь, ты чего? Все хорошо, моя хорошая! Все, все, все... все...

– Нет, не хорошо! – проревела Наташа, – ты не знаешь, кто он! На что способен! Он такое делал! Он мразь! – она захлебнулась собственными слезами и зашлась кашлем.

– Даша...

– Отошел! – рывкнула Дарья не своим голосом. Теперь Макаров почти не узнавал ее, – ушел в комнату, быстро, я сказала!!!

Сергей вернулся в комнату и стал нервно ходить по ней взад-вперед. Ситуация была критической. Безвыходной. Он ничего не сможет объяснить. Ничего. Глупо было рассчитывать, что такое останется без последствий. Сейчас сюда с ненулевой вероятностью вообще вызовут полицию... нет, полицию никак нельзя! А как же мама? Нельзя, чтобы она узнала, в чем участвовал ее сын! Что он натворил! И что теперь? Бежать? А смысл? Даша знала о нем практически все... нет, это глупо и трусливо. Ждать. Просто ждать.

Сергей с силой сжал пальцами виски и заставил себя остановиться. Он не знал, сколько он так простоял. Просто через какое-то время дверь распахнулась и вошла Даша. Сергей обернулся. Теперь она смотрела на него совсем другим взглядом. Злым, больше не любящим взглядом преданного человека. Он открыл было рот, чтобы хотя бы попытаться что-то объяснить, но в ту же секунду понял: бесполезно.

– Уходи! – по щекам Даши скатились две слезинки, – уходи. И никогда не возвращайся...

– Да куда ты прешь-то?! Марин, я пыталась не пустить, он ломится, как слон!

Подруга, с которой Марина раньше снимала квартиру и к которой опять переехала после последней ссоры с Петровским, попыталась не пустить того, но тот почти вышиб дверь и, невзирая на ее писк, внаглую вошел вглубь помещения. Кристина, вереща, семенила следом. Петровский рывком открыл дверь в гостиную и увидел Марину, которая сидела на диване, облаченная в махровый халат. Волосы еще были влажными, похоже, она недавно принимала душ. Кристина вбежала в комнату следом.

– Слышишь, покури сходи, а! – бросил Петровский, повернувшись к ней. Кристина едва не задохнулась, опешив от такой наглости, однако Марина сделала примиряющий жест.

– Крис, оставь нас, пожалуйста, все хорошо!

Кристина фыркнула и вышла за дверь. Петровский проводил ее взглядом и перевел глаза на Марину.

– А ты не оборзел?! – накинулась та в то же мгновение.

– Марин, может, поговорим уже, как взрослые люди? – осведомился Петровский, пройдясь по комнате, – меня, если честно, уже задрал этот детсад!

– Как взрослые люди? – Марина невесело усмехнулась, – давай попробуем. Только откровение должно быть двусторонним, Костя! Если ты меня понял, конечно! – она подалась вперед, но с кресла так и не встала.

– Марин, перестань выносить мозг! – Петровский резко обернулся к ней, – слушай, что тебя не устраивает? Что за прикол собирать вещи и сваливать от меня?!

– Что за прикол? – Марина на секунду сорвалась на крик, но, взяв себя в руки, заговорила тише: – Костя, а ты сам не видишь и не понимаешь? Ты занимаешься, черт знает, чем, ухо-

дишь среди ночи, черт знает куда, никогда ничего не рассказываешь и не объясняешь! Костя, я ничего о тебе не знаю, понимаешь, ничего! За два года ничего о тебе не знаю! – членораздельно повторила она, – разве это нормально?

– Я же говорил, тебе ни к чему эти скучные... – начал Петровский.

– Скучные?! – Марина гневно посмотрела на него, – Костя, ты считаешь меня конченной дурой? Или только наполовину?! Думаешь, я не понимаю, что ты занимаешься чем-то помимо кафе? И до кафе занимался! Чем-то опасным и... и, похоже, очень незаконным! – шепотом добавила она. В ее глазах мелькнул испуг.

– Ну да, я босс мафии! – фыркнул Петровский, – Марин, поначалу тебя это не парило! – заявил он, – так в чем проблема теперь?

– В том, что это являлось до и во время наших отношений и до сих пор является неотъемлемой частью твоей жизни! – Марина ткнула в него пальцем, – о чем бы ни шла речь, ты продолжаешь заниматься этим, даже не считая нужным ставить в известность свою девушку! А отношения без доверия...

– Да на хрена тебе это все надо-то?! – Петровский ударил кулаком по столу.

– Потому что я боюсь за тебя! – вскричала Марина, – и за нас! Потому что люблю тебя, придурок, неужели непонятно? – из ее глаза выкатилась слеза, которую она поспешно вытерла и заговорила опять негромко, – почему ты не хочешь рассказать мне о себе? Это ненормально, что я не знаю тебя! Я не знаю настоящего тебя, Петровский! Вся твоя жизнь – что-то странное, ненормальное и несвойственное для обычного человека твоего возраста, я готова принять что угодно или почти все, но ответь, наконец! Кто ты такой на самом деле? Чем занимаешься на самом деле? Где твоя семья и кто они были или есть?

Марина во все глаза смотрела на него. Петровский набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул. Может, не спроси она про семью, все было бы по-другому. Но этот вопрос всегда вызывал в нем лишь неадекватную агрессию. Она не знала. Она не была виновата. Но и он не принимал многого во внимание.

– Слушай, Марин... – зло начал Петровский, – я вот никак не пойму, хоть убей: тебе все это зачем? Ведь все же было хорошо, за каким х...м ты начала усложнять? Тебе не хватает чего-то? Слушай, может тебе денег мало? – он, недобро прищурившись, посмотрел на нее.

– Что? – Марина резко отпрянула и вжалась в спинку кресла, словно только что налетела на невидимую преграду, – что ты сейчас сказал? – она вновь подалась вперед, – Петровский, ты совсем охренел? Я тебе не содержанка! – последнее она проговорила уже сквозь подступившие к горлу слезы.

Петровский несколько секунд смотрел на нее. Он понял, что опять сказал что-то не то, но оправдываться он просто не умел. Да и похоже было поздно.

– Я не имел в виду, что ты...

– Петровский, сейчас меня оставь! – проговорила Марина, борясь с приступами слез, стараясь только не позволить себе расплакаться при нем.

– Да послушай, мать твою, я... – Петровский затрясся от злости, сжав кулаки почти до хруста.

– Уйди! – Марину тоже затрясло, только не от злости, а от рыданий, с которыми она уже почти не могла справиться.

Петровский опять взглянул на нее. А затем сделал шаг вперед и сильным ударом сшиб стоявший на полке телевизор. Агрегат кувыркнулся в воздухе, упал на пол и разбился вдребезги.

– Ты совсем оборзел, психопат?! – выкрикнула Марина, вскочив на ноги. Рыдания моментально отступили, обида сменилась гневом, вызванным такой наглостью.

– Сегодня же новый пришло, этому г...у давно пора было на свалку! – процедил Петровский, быстрым шагом покидая комнату, – бу!!! – он шугнул появившуюся в дверях Кри-

стину. Девушка ойкнула и испуганно отпрянула. Петровский миновал прихожую и, со всей силы хлопнув дверью, покинул квартиру.

– Сережа, что-то ты рано от Даши! – мама подняла слегка удивленный взгляд от журнала, – все хорошо?

– Не очень, – Макаров сел на стул, стоявший в другом конце комнаты и тупо уставился в стену.

– Что-то случилось? – мама отложила свой журнал и внимательно посмотрела на Сергея, – ты ведь знаешь, что можешь рассказать мне все...

– Да забей, мам... – Макаров с досадой отмахнулся.

– Сережа! – в мамином взгляде появилась строгость, – если не хочешь волновать, знай, что в первую очередь я волнуюсь за тебя. Дороже и ближе у меня никого нет, так что рассказывай!

– Поругались, – буркнул Макаров, отвернувшись.

– Ну, это у молодежи бывает! – мама добродушно рассмеялась. Она совсем не хотела обидеть этим сына, но Макаров внезапно почувствовал, что начинает на нее злиться, – еще помирись!

– Это вряд ли, – процедил Сергей, сжав руку в кулак.

– Почему? – грустно спросила мама, – сильно поругались?

– Окончательно, – пробурчал Макаров, сглотнув подступивший к горлу ком, – там все серьезно, поверь мне, помириться уже не получится. И давай оставим эту тему... – он встал и отошел к окну, за которым постепенно занимался закат.

– Не переживай, Сереж, значит, не твое. На все воля божья! – попыталась приободрить мама. Лучше бы она этого не делала...

– Хреновая воля... – очень зло процедил Сергей, до боли впившись рукой в подоконник.

– Что ты сказал? – мама посмотрела на него с изумлением. Раньше он такого себе не позволял. Да нет, это не могло быть правдой, наверное, слышалось...

– Я сказал: хреновая воля! – выкрикнул Макаров, резко обернувшись.

– Сережа, ты что? – мама, опешив, отодвинулась назад. Ее взгляд был полон удивления и грусти.

– Ничего! – рявкнул Сергей, выйдя из себя окончательно, – давно пора признать, мама, что нет никакого бога! А если и есть, то он просто изощренный садист и ему нравится это г... о, творящееся кругом! – он яростно ткнул пальцем куда-то в пространство.

– Сережа... – проговорила мама севшим голосом. Ее руки задрожали, – что ты такое говоришь?

– То, что есть! – Макаров надвинулся на нее. Теперь в глазах матери читался самый настоящий страх, но он уже не находил в себе сил остановиться, – отец погиб в глупой аварии из-за какого-то дол... а, который до сих пор почему-то дышит! Это, по-твоему, божий промысел?! Или то, что ты болела и до сих пор болеешь? Или то, что мы считали копейки и даже не смогли бы оплатить операцию, не продай я все, во что верил сам?!

– Сережа... – на глаза мамы навернулись слезы, – о чем ты говоришь?

– Я говорю о том, что ничего не бывает просто так! – рявкнул Макаров, – ты правда думаешь, что наша жизнь наладилась потому, что есть на небе бог? Что кто-то помогает просто так? Знаешь, мама, если все это делает бог, то лучше бы ему вообще никогда не существовать!!! – проорал он, глядя на мать дикими глазами.

– Но ведь ты нашел хорошую работу, – тихонько возразила мама, – ведь твой друг Костя...

– Костя, – Макаров опять грубо перебил ее, – это очень страшный человек. И никакой он мне не друг! Ты не знаешь его. Не знаешь, на что он способен, и лучше бы тебе никогда не узнать его ближе. Потому что он монстр! И я буду вынужден дальше делить с ним хлеб и помогать ему делать то, что противоречит всему хорошему и человечному, во что мы с тобой все это время верили, а я его ненавижу, ненавижу, слышишь?! – Макарова всего трясло от ярости. Мама смотрела на него и не верила своим глазам, – а знаешь, почему? Потому что это – единственный способ хоть как-то поддерживать нашу жизнь и быть, мать твою, сытыми!!! Знаешь, что самое страшное? – Сергей немного успокоился и убавил тон, – что выходит так, что прав он. Потому что хорошо живут только такие люди, как он, которым плевать на всех, кто ни с кем не считается, ни перед чем не остановится, чтобы добиться своего. И единственный выход, чтобы выжить в этом поганом мерзком мире – стать таким, как он, быть рядом с такими, как он... или сдохнуть в нищете! – твердо и очень зло закончил Сергей, – так где она, мама, твоя высшая справедливость? Пошла бы она в таком случае...

Сергей бессильно облокотился на стену. Мама лишь хлопала заплаканными глазами, не находя нужных слов. Макаров посмотрел на нее, а затем тяжело вздохнул и направился к двери.

– Куда ты, Сережа? – она удивленно посмотрела ему вслед.

– Пойду подышать, – ответил Макаров, надевая туфли, – в холодильнике ужин, мам, меня не жди, ложись спать. Буду поздно...

Большой черный внедорожник с литыми дисками въехал на территорию. Крепкий кавказец, волосы которого были мокрыми от холодного, моросившего с серого неба дождя, как обычно, закрыл за ними ворота. Петровский немного прибавил газ, направляясь к ангару. Охраны теперь было поменьше, за год с лишним Алан более-менее к нему привык.

– Костик, точно все в порядке? – Джамал взволнованно посмотрел на него с пассажирского сиденья.

– Все ровно, Джам! – заверил его Петровский, – а что, проблемы какие-то?

– Да нет, – тот пожал плечами, – просто после контр с Маринкой ты как будто сам не свой...

– Да пошла она к дьяволу! – злобно бросил Петровский. Джамал лишь пожал плечами, не желая лезть в чужую личную жизнь.

Машина остановилась внутри ангара, вторые ворота плотно закрылись. Петровский с Джамалом вышли из машины. На этот раз с Аланом было всего двое, третий привычно курил на втором уровне, старательно делая вид, что ему малоинтересно происходящее.

– Салам, Костя! – Алан пожал Петровскому руку и кивнул Джамалу.

– Салам, Алан! – ответил Петровский, – ну что, как обычно, быстро и по делу?

– Не в духе? – Алан криво усмехнулся, – бывает такое, спрашивать не буду. Сегодня, значит, всего одна? – он указал глазами на автомобиль.

– Одна, зато какая! – Петровский похлопал внедорожник по капоту, – «литье», четыре-ста «кобыл», электроника, почти полный фарш! Не тачка – сказка! – он подмигнул своему «бизнес-партнеру».

– Да, хорош аппарат! – согласился Алан, прохаживаясь рядом с машиной, – за такую, Костя, и миллиона не жалко... – он выразительно посмотрел на Петровского. Тот фыркнул и обернулся к Джамалу. Но он в отличие от Петровского был серьезен и мгновенно напрягся, понимая, что сейчас произойдет что-то не то...

– Миллиона?! – глаза Петровского сузились. Алан, не ожидавший такой резкой реакции от обычно спокойного «партнера», оторопел...

– Не понял, Костя! – резко сказал он. Улыбка мгновенно исчезла с его лица, так, словно ее и не было.

– А что непонятно, Аланчик? – при таком наглом и фамильярном обращении тот скривился и агрессивно посмотрел на Петровского. Охранники Алана переглянулись и тоже приняли агрессивные позы. Но Петровский, как ни в чем не бывало продолжал, – это тебе не трехлетние «немки» и не тачка с трупной вонью! Это почти идеально чистый «боров» с полным фаршем! Знаешь, сколько он стоит на авторынке? Конечно, знаешь! И оскорбляешь меня, предлагая за него миллион? – глаза Петровского недобро сузились, – работаешь со мной больше года и до сих пор считаешь меня лохом? Не на того напал, Аланчик! – он сделал угрожающе наклонился вперед. Алан тоже зло смотрел в глаза. Привычного дружелюбия в нем и след простыл. Ситуация обострилась буквально в одно мгновение...

– Ты не у себя дома! – угрожающе прошипел Алан, – думай, как и с кем разговариваешь, Костя!

– Думать тут нечего! – отбрил Петровский, – как еще мне разговаривать с человеком, который с улыбкой жмет мне руку и кидает меня на бешеные бабки? У тебя последний шанс, Аланчик! Два миллиона, или никакой сделки не будет! Ну что, одумаешься? – Петровский злобно посмотрел на Алана, – нет? Тогда счастливо! Джам, поехали! – он повернулся к машине.

– Нет, не «счастливо»! – закричал Алан. Человек на втором ярусе мгновенно напрягся и теперь пристально и очень напряженно наблюдал за происходящим внизу, – вы, салаги, совсем уже страх потеряли?! – теперь в Алане не оставалось совсем ничего доброжелательного, – тебя кинули, Костя?! А ты не о...л?! – с акцентом матюгнулся Алан, – тебе позволили работать, позволили подняться! А ты плюешь на уважение? Плюешь мне в лицо, щегол, да еще в моем же доме?! – он угрожающе приблизился на полшага.

– Засунь свои угрозы себе в задницу! – очень четко сказал Петровский, – меня не запугаешь! Что ты смотришь на меня, я сказал «пока», ты оупел?! – заорал он.

Наверное, это было ошибкой. Алан – это не старшекурсники. Нельзя было так начинать с ним разговаривать. Несмотря на плохое настроение, сдавшие в последнее время нервы, нужно было держать себя в руках и думать, кому и что ты говоришь. Но теперь было поздно...

– Да ты оборзел, щегол поганый?! – выйдя из себя, Алан сделал шаг вперед. Однако, оставляя лицо без всякой защиты, оставляя охрану позади, он не учел, насколько отсутствовали какие-либо тормоза у Петровского...

Мощная двойка, которой Алан никак не мог ожидать от наглого подростка, с силой вревавшегося грузовика обрушилась на него. Как подкошенный, Алан рухнул на пол...

– Стоять, с...и! – охрана уже почти подскочила вплотную, чтобы стереть Петровского порошок, но две пули из «бесствольника» ударили в пол перед ними, заставив отскочить. Рука охранника на втором ярусе метнулась под кожаную куртку. Петровский бросил оружие Джамалу, который кое-как успел поймать, и ужом прыгнул к приходившему в себя Алану.

– Не рыпаться! – заорал он не своим голосом, схватив бывшего партнера за голову и приставив к горлу только что извлеченный из кармана нож, – не дергаться, башку ему отрежу!!!

Джамал держал «бесствольник» трясущимися руками, переводя оружие то на одного охранника, то на другого. Он был напуган не на шутку. Он в отличие от Петровского понимал, что товарищ только что натворил. И то, что живыми им отсюда уже не выйти. Тот охранник, что стоял на втором ярусе, уже извлек свой пистолет – боевой или травматический – отсюда было не разобрать, но угрожать им пока никому не стал.

– Два шага назад, уроды! – выкрикнул Петровский, – я сказал назад, убью его! – он с силой придавил лезвие, пропоров кожу и пустив Алану кровь.

– Делайте, что говорит! – с ненавистью прошипел он, отплеываясь. Кровь из носа, который Петровский метким ударом разбил, стекла ему в рот, образовав неприятное месиво.

Охранники сделали два шага назад, глядя на Петровского, как псы, готовые броситься в любой момент, стоит тому лишь замешкаться.

– Оружие вниз бросил! – закричал Петровский, обращаясь к третьему, – ты оглох? Я его вальну!

Похоже, после такого дерзкого нападения на Алана, которое закончится теперь, к гадалке не ходи, черт знает чем, они действительно поверили, что Петровский способен на все. Охранник бросил на него ненавидящий взгляд и послушно выбросил пистолет вниз и в сторону.

– Костик, что ты творишь?! – вполголоса произнес Джамал, со страхом косясь на приятеля.

– За руль, Джамал! – выкрикнул Петровский, поднимаясь и не отпуская Алана, – Джамал, за руль, бегом!!! – заорал он не своим голосом, – ты! Ворота открыл! Быстро, я тебе сказал! – он кивнул одному из охранников.

– Нервничаешь, пацанчик, зеленый ты еще! – злорадно прошептал Алан, – ни с тем ты связался, Костя, молись теперь своим богам...

– Захлопни пасть или кровью захлебнешься! – прошипел Петровский.

Ворота ангара тем временем открылись. Петровский втащил Алана на заднее сиденье внедорожника. Тот был среднего сложения и пока не сильно сопротивлялся, что позволяло делать все это без особого труда. Джамал вцепился пальцами в руль и, сдав задом, резко развернулся. Его нижняя челюсть дрожала. В отличие от Петровского, он хорошо представлял, с кем они связались и какими теперь могут быть последствия...

Внедорожник резко остановился возле ворот. Охранник на КПП выскочил наперерез, изумленно глядя на машину и что-то крича на своем языке. Петровский открыл заднюю дверь и продемонстрировал Алана в крови и с ножом у горла.

– Ворота открыл! – рявкнул он, угрожающе поведя лезвием.

– Открой! – опять велел Алан. Петровского удивляло то, как легко он подчинился наглую сопляку. Испугался, гад? Или что-то задумал...

Едва охранник открыл ворота, Джамал резко рванул с места. Собаки заливались оглушительным лаем, но с цепей их пока не спускали, ведь это могло быть угрозой жизни хозяину.

– Тормози! – рявкнул Петровский, когда Джамал отъехал на достаточное расстояние от «сервиса».

– Ты пожалеешь, Костя! – пообещал Алан.

– Не хрена было меня кидать! – с этими словами Петровский открыл заднюю дверь и, сильно ударил Алана по голове, выкинул из машины. Тот упал прямо в грязь, – газуй, Джамал, газуй!!!

С той стороны уже бежали три охранника. Еще один спустил с цепей собак, которые, рыча, приближались к набиравшему скорость внедорожнику. Вновь показались пистолеты. Грянуло два выстрела, одна из пуль угодила в заднее окно, от места попадания во все стороны пошли трещины. Значит, «травматика», боевой бы стекло просто пробил...

– Ты ответишь, Костя! Ответишь! – завопил Алан вслед удалявшейся машине. Охранники остановились, поняв, что преследование на такой скорости уже бесполезно. Собаки еще некоторое время гнались за Петровским и Джамалом, но потом тоже оставили свою цель и вернулись к хозяевам.

Они ехали, не произнося ни слова. Не сбавляя скорости. Ехали всю дорогу. Остановился Джамал только тогда, когда они оказались в центре города. Остановился в каком-то незнакомом дворе. Некоторое время он лишь тяжело дышал, опустив голову на руль, в полной тишине было отчетливо слышно, как капли барабанят по стеклу. А потом он обратил к Петровскому полный злости и непонимания взгляд.

– Костя, ты что натворил? – сквозь зубы проговорил Джамал. Его скулы все еще сводило от дикого страха...

– Дай подумать... – Петровский очень зло ухмыльнулся, – наверное, не позволил нас кинуть, вроде так, нет? – он изобразил задумчивый вид, и вновь на его лице появилась самоуверенная усмешка.

– Да ты вообще соображаешь?! – заорал Джамал, потеряв самообладание и схватив Петровского за грудки, – ты соображаешь, что наделал?! С кем ты связался?! И что теперь будет, идиотина!

– Да отвали ты! – Петровский резко стряхнул его руки, – что ты заерзал, Джам? Испугался? – его глаза недобро сузились.

– Нет, ты точно идиот! – вдохнул Джамал, откинувшись на сиденье, – ты не понимаешь, что это не «дедушки» – старшекурсники? Не Касаткин и даже не директор ЦИТ? Это не тот уровень! Это не твой уровень, Костя! – Джамал вновь сорвался на крик.

– А кто решает, где чей уровень? – Петровский презрительно ухмыльнулся, – кто устанавливает мне планку? Ты? Или, может, эти чурки горные?

– Базар фильтруй! – Джамал угрожающе посмотрел ему в глаза, – я тоже «чурка горная», если не забыл! Ты что-то зарвался, Петровский! Окончательно зарвался!

– Я не хотел тебя обидеть! – Петровский скривился, как от зубной боли, но извиняться все равно не стал, – я лишь имел в виду то, что мы ничем не хуже других. Никто не имеет права ставить себя выше нас, кем бы они раньше не были и какого бы не были возраста, на это вообще на... ь! И никто, понял, никто не имеет права кидать нас! И сегодня я это доказал! – он ударил кулаком по стеклу.

– Сегодня ты нажил нам нереальных проблем! – тихо произнес Джамал, – и поверь, Алан нам их устроит!

– За... тся! – самоуверенно ответил Петровский, – его «девятиностые» давно прошли! Пусть играет по правилам современного мира или не высовывается! И пусть попробует нагнуть меня по сегодняшним правилам!

– А ты уверен, что он станет играть по сегодняшним правилам? – тихо осведомился Джамал.

– А куда он денется! – Петровский презрительно фыркнул, – если хочешь быть со мной, умеи идти до конца! Ты говорил, что готов! Выходит, что нет? – он злобно оскалился, глядя на Джамала. Тот лишь покачал головой.

– А уже поздно что-то менять, неважно, что я теперь отвечу. Все уже сделано...

– Вот тут ты прав, – Петровский кивнул, крайне довольный собой, – все уже сделано, так что не хрена сотрясать воздух порожняком!

– Теперь-то что делать будем, герой долбаный? – сердито осведомился Джамал, глядя в окно на одинаковые пятиэтажки, возвышавшиеся поблизости.

– А ничего не делать! – Петровский пожал плечами, – чем бы он там ни угрожал, сомневаюсь, что захочет к нам полезть. Тем более, мы сами с зубками, да и фактов у нас на него немерено...

– Да никаких фактов у нас на него нет! А!.. – поняв, что все споры с Петровским давно стали бесполезной тратой времени, Джамал лишь с досадой отмахнулся.

– Короче! – тот криво ухмыльнулся, – тачку спрячь пока куда-нибудь до лучших времен. Даже мне не говори, куда спрятал. Потом загоним кому-нибудь. По нормальной цене! – язвительно добавил он, – а в остальном все. Забываем этого упыря, как страшный сон и живем полной жизнью!

– Если нам теперь позволят жить полной жизнью... – буркнул Джамал себе под нос, – ладно, куда тебя отвезти?

– Никуда не надо, – решительно сказал Петровский, – тачку сразу спрячь, что-что, а вот угнать попытаться, с...и, могут. Я на такси доеду. Давай, на гудке! – с этими словами он вышел

из машины под усилившийся дождь. Джамал проводил его взглядом и сильно ударил рукой по рулю.

– Б...ь!!!

Макаров сидел за столиком в «Оазисе». Он не слишком хотел пересекаться с кем-то из компании Петровского, а здесь риск был велик, ведь по сути это было их заведение. Но он обычно не ходил по барам и других мест просто не знал. Перед Сергеем стояла коньячница с темным напитком, который он заказал, но уже полчаса, как к нему не притрагивался...

Было плохо. Плохо от всего. От того, что рассорился с Дашей, что нагрубил маме... от всего, что произошло за последнее время. Сергей положил голову на руки и тупо уставился в стакан, где плавала долька лимона...

– Глазами ты его вряд ли выпьешь!

Макаров поднял глаза. Рядом со столиком стоял Славик и с легкой улыбкой смотрел на него. Улыбался Логинов так добродушно и открыто, словно ничего и не было, словно Макаров три недели назад не послал его в грубой форме вместе со всеми остальными. Сергей не знал, что сказать. Слишком сложной была вся ситуация, сложившаяся за последнее время.

– Все еще дуешься? – Логинов понимающе хмыкнул.

– А смысл? – Макаров пожал плечами и, тяжело вздохнув, облокотился на стол.

– Не знаю, – в тон ему ответил Славик, – решать тебе. Присяду? – он вопросительно показал глазами на диван.

– Это же твое кафе, – Макаров слабо улыбнулся, – ты решаешь, кто и куда здесь садится.

Логинов усмехнулся и сел напротив Макарова. С минуту они просто смотрели друг на друга, потом Славик произнес:

– Только не думай, Серег, что я оправдываюсь. Но я не хотел, чтобы именно так все вышло. Я не во всем согласен с тобой, как не во всем согласен с Костяном, но и не хотел, чтобы твою точку зрения ломали настолько жестко. Но сделанного не вернешь, извиняться глупо, если поймешь, хорошо, нет, то... – Славик сделал неопределенный жест рукой.

– Я понял, – Макаров кивнул, – нет, наверное, на тебя и правда нет смысла обижаться. Да, пожалуй, и на Петровского тоже... обижаться я должен на себя. И на хрена только с вами связался? – он невесело рассмеялся и, наконец решившись, поднял коньячницу и сделал глоток. Напиток обжег горло, Сергей с непривычки закашлялся.

– Ой-ой-ой! – Славик улыбнулся, – ты что, в первый раз?

– Вообще-то да! – хрипло ответил Макаров, все еще морщась и кашляя в кулак, – так, шампунь пил иногда на новый год, да на свадьбе разок. А водку там или коньяк – нет...

– Понятно, – Логинов кивнул и дал знак официантке. Через минуту она принесла и ему выпить, – а чего вдруг начал-то? Вообще, я бы не советовал, конечно...

– Да я больше и не буду, – Макаров отодвинул бокал, – просто... хреново мне, Слав, – он посмотрел Логинову в глаза.

– Вижу, что хреново, – Славик понимающе кивнул, – все никак не отойдешь от тех качелей? – от пригубил немного коньяка из своей посуды.

– Не в этом дело, – Сергей покачал головой, – просто понимаешь... такое чувство, что все рушится, Слав. Все, во что я верил, что считал святым... выходит, что все это в нашем мире не стоит вообще ничего, понимаешь? – вопреки желанию отказаться от спиртного он схватил свой бокал и опять сделал небольшой глоток, в этот раз даже не поморщившись.

– Возможно, – Логинов спокойно смотрел на него, – переосмысление – вещь сложная. Сложно сохранить тонкую грань. Немного пересмотреть свои взгляды, но не разочароваться в них полностью. Ведь твоя позиция заслуживает уважения, я же тебе говорил...

– А как ее уважать и кому, если она ничего не стоит? – воскликнул Макаров, – если всем наплевать! Слав, все идет под откос! Я поспорил с девчонкой, с матерью, я уже ни во что не верю, и знаешь что? Мне начинает казаться, что так действительно проще! Как говорил Петровский! Ни во что и ни в кого не верить, ничего не ждать, никого никогда не жалеть... жить монстром, как он! – Сергей посмотрел Славику в глаза.

– Да никакой он не монстр! – хмыкнул Логинов, – просто его периодически заносит. Так же, как и тебя. В жизни никогда ничего не бывает просто, вот главное, поверь моему опыту. Важно уметь переживать трудности. А вот с мамой, Сереж, надо помириться. Она у тебя одна...

– С ней помирюсь... – пробормотал Макаров, – с Дашкой уже точно нет...

– Я даже спрашивать не буду, из-за чего! – заявил Славик, – это вообще не мое дело, разберешься сам... просто, когда будет хреново, знай: ты не один. У тебя есть люди, которые тебя поддержат. Это твой мир, понимаешь меня?

– Понимаю, – Сергей снова кивнул, – главное, чтобы этот мир не рухнул, как стеклянный сервиз. Иначе потом будет не собрать...

– Все в твоих руках! – Славик приободряюще улыбнулся и снова поднял бокал.

Петровский даже не знал названия бара, в который приехал. Какое-то время он сидел один за стойкой и пил разные горячительные напитки, которые, вроде как, уже даже перестали на него действовать. Пару раз кто-то звонил ему на сотовый. Он сбрасывал, даже не извлекая аппарат из кармана...

Через некоторое время к нему недвусмысленно подседа какая-то девица в недвусмысленном наряде с недвусмысленными намеками. Петровский взял ей выпивку. Потом еще. Они о чем-то говорили. Точнее, говорила в основном она. Почти без умолка. Ему было все равно. Он коротко отвечал, пару раз вежливо улыбался... нет, скорее ухмылялся. Впрочем, это неважно...

Потом они ехали. Он был за рулем, наплевав на то, что изрядно выпил сегодня. Наверное, ему повезло, никто так и не пытался остановить автомобиль...

Потом они были у него. Сорванная, беспорядочно разбросанная по маленькой квартире одежда, секс на грани какого-то животного безумия... без каких-либо чувств, лишь удовлетворение инстинктов. Просто хотелось. Хотелось и все. Попробуйте осудить меня. Попробуйте меня остановить...

За окном давно была глубокая ночь. Семенов, крадучись, вышел на кухню и плотно закрыл за собой дверь. А затем подошел к окну и, приоткрыв его, достал со шкафа пачку сигарет, которые приобрел сегодня. Он не курил уже, наверное, лет десять. Но сейчас душа требовала отравы, а мозг – расслабления. Слишком много всего творилось и там и там...

С улицы повеяло холодом: похоже, температура стремительно падала. Антон Алексеевич чиркнул спичкой и раскурил сигарету. С непривычки закашлялся, но закрыл рот рукой, чтобы не разбудить жену и ребенка.

Он сделал вдох и посмотрел в ночную темноту, освещаемую огнями Нобельска. Затем перевел взгляд на небо, где, несмотря на начинавшие сгущаться мрачные облака, еще видны были звезды.

– Сколько из них еще живы, – пробормотал он себе под нос, – а сколько давно погасли, лишь свет запоздало доходит до нас, а мы даже не знаем того, что они давно умерли...

В этот момент в коридоре послышались шаркающие шаги. Семенов выбросил сигарету и закрыл окно. В кухне показалась заспанная Лена, шутившаяся от яркого света.

– Ты чего вскочил? – спросила она, – время три ночи!

– Да так, – Антон Алексеевич рассеянно пожал плечами, – не спится...

– Ты курил? – Лена удивленно подняла брови, – бросил же давно!

– Да вот, захотелось что-то, – грустно ответил Антон Алексеевич, сев за стол. Жена опустилась на стул напротив него.

– Все переживаешь из-за тех нечестных студентов? – с пониманием спросила она.

– Да не только в них дело, – Семенов покачал головой, – просто такое везде. И ведь в последнее время это даже перестали скрывать. Словно так и надо. Знаешь, чувствую себя каким-то уцелевшим динозавром, – признался он, – как будто мой век прошел и мне, по логике вещей, давно пора было вымереть... а я все ошиваюсь в этой чужой для меня эпохе, да стоя костью в горле у всех подряд...

Лена тяжело вздохнула и посмотрела на мужа.

– Честных людей все меньше, с этим не поспоришь, – сказала она, – но ведь смыслом твоей жизни всегда была борьба. Ты ведь не хочешь сейчас сдаться?

– Пока есть ради кого – нет, – ответил Семенов, – только вот боюсь, скоро и таких не останется. И ради чего тогда? Доказывать что-то тем, кому все равно? Или самому себе?

– Не отвечу на этот вопрос сейчас, – Лена покачала головой, – и тебе не советую искать ответ там, где его нет. Если это случится, заметь, я говорю «если», а не «когда», будем решать, как поступать дальше. А пока есть за что бороться, живи этим. Не надо хотя бы для себя все усложнять...

– Может, ты и права, – Семенов встал и, приблизившись, обнял жену, – спасибо за поддержку. Хотя бы ты меня понимаешь. Хотя бы ради тебя уж точно стоит бороться дальше.

– Пошли спать! – Лена решительно встала из-за стола.

– Да, идем, – Антон Алексеевич не стал спорить. После разговора с женой ему и впрямь стало немного легче. Он вышел из кухни вслед за ней и погасил свет. Помещение погрузилось в темноту.

Петровский окончательно открыл глаза и потянулся на кровати. Покосился на лежавшую рядом голую девушку. Он даже имени ее не помнил. Да и была ли разница?

За окном уже всюю занимался рассвет. Небо было серым, а в комнате чувствовался холод, похоже, температура резко упала. Петровский размял плечи и сел на кровати, опустив ноги на пол. Девушка рядом с ним потянулась и томно застонала.

– Так рано еще! – проворковала она, улыбнувшись и вновь потягивая голое тело, параллельно нащупывая одеяло.

– Ага... – Петровский хмыкнул, – собирайся давай...

– Куда? – спросила та, не поднимаясь с кровати.

– Я-то откуда знаю? – фыркнул Петровский, – в квартиру, в общагу, в деревню, откуда ты там родом? Хотя мне это без разницы, в общем, одевайся и адьос! – с этими словами он поднял с пола ее блузку, которую сам же там вчера оставил и бросил на девушку.

– Да что на тебя нашло? – от изумления та проснулась окончательно и села в кровати, глядя на ночного «кавалера» круглыми глазами.

– Да со мной все идеально! – ответил Петровский, слегка обернувшись, – просто прошу тебя покинуть мою квартиру, в чем проблема? – он криво ухмыльнулся, – ты нормально провела время, исполнила свое прямое предназначение, думаю, на этой ноте тебе пора!

– Эй, ты совсем охренел, урод?! – на секунду девица опешила, а затем, поняв, что именно ей только что сказали, взорвалась и попыталась ударить Петровского по голове, – я тебе не проститутка!

– Да убери культи! – рявкнул Петровский, больно схватив ее за руку и отбросив, от чего девица вскрикнула. Он встал и, пройдясь по комнате, нашел сигареты и закурил прямо в гостиной, – ну да, не проститутка, не поспоришь... столько кальявдоса выжрала вчера, – он опять злобно ухмыльнулся, глядя на девушку, – шлюха-то вышла бы не в пример дешевле!

– Ах ты мразь! – вскричала она, – паскуда!

– Ты одевайся, роднуля! – Петровский, издеваясь, изобразил процесс надевания блузки, – говори и одевайся!

Девушка вскочила с кровати и принялась лихорадочно разыскивать разбросанную вчера одежду, параллельно осыпая Петровского эпитетами разной степени крепости.

– Скотина... потаскун... ах ты мразь...

– Да, я такой! – Петровский с усмешкой наблюдал, как девушка ползает по холодному полу, пытаясь как можно быстрее собрать вещи.

– Ублюдок... выродок... импотент вонючий!

– Если бы за каждое такое слово в мой адрес мне давали хоть по десятке... – мечтательно проговорил Петровский, с наслаждением втягивая дым, – кстати, с последним не согласен! Верещала ты ночью так, что будь здоров! Кстати, так и быть, если хочешь еще разок трахнуть, то давай, можем по-быстрому...

– Пошел на х...й! – очень громко и четко выкрикнула девушка ему в лицо. У него даже ни один мускул не дрогнул. Так до конца и не одевшись, девушка, матерясь под нос, выбежала в коридор.

– Дверь там захлопнешь! – весело выкрикнул Петровский.

– Чтоб ты сгорел! – с ненавистью ответила та.

– Это тебе в очередь с такими пожеланиями... – пробормотал он себе под нос.

– Ублюдок! – это уже сопровождалось рыданиями.

Девушка выскочила за дверь. Сильнейший хлопок оповестил о том, что она закрылась.

– Молодец какая, – оценил Петровский, выдохнув дым, – даже закрывать за ней не пришлось...

Он затушил сигарету, опять прошелся по комнате. Затем взял руку оставленный вчера на тумбочке телефон. Было три пропущенных. Один от Славика. И два от Марины...

– Фак! – отчетливо произнес Петровский. Несмотря на раннее время, он набрал ее номер. Послышались гудки. Он ждал до самого конца, но никто так и не поднял трубку. Петровский сплюнул и швырнул телефон на кровать. Затем от нечего делать взял пульт и включил телевизор.

– Конец октября преподнес жителям Нобельска неприятные сюрпризы. Аномально низкие температуры обрушились на город сегодня ночью. Гидрометцентр сообщает, что в течение недели холодный фронт будет сохраняться, температура достигнет отметок до минус десяти градусов, после чего нас опять ждет небольшое...

Петровский выключил телевизор и запустил пультом через всю комнату. Тот ударился в стену и разбился вдребезги. Он лишь вновь фыркнул, глядя на это.

И в эту секунду лежавший на кровати телефон ожил. Не помня себя, Петровский бросился к нему. Черт, завалился под одеяло... где же? Ведь он точно знал, кто звонил... нельзя не ответить! На его лице впервые за долгое время появилась улыбка...

Он взял сотовый в руки и посмотрел на дисплей. Нет, это была не Марина. Номер был сохранен в справочнике, как «Сервис». И он хорошо знал, кто это был. Алан.

Петровский взял телефон в руку и, встав с кровати, прошелся по комнате, тупо глядя на дисплей. Бывший «деловой партнер» продолжал настойчиво звонить. Нет, игнорировать и скрываться было не в его правилах. Петровский выдохнул и нажал «ответ».

– Да! – выпалил он, стараясь, чтобы голос звучал как можно более грубо и безразлично.

– Здравствуй, Костя! – Алана он узнал сразу. Да и кто еще мог звонить с его телефона...

– Здорово, коли не шутишь! – с насмешкой заявил Петровский, вновь нащупывая на тумбочке сигареты, – номер-то я не успел сменить...

Он нашел необходимое и, взяв пачку, направился на балкон.

– Разговор, Костя, будет коротким, – начал Алан железным тоном, – за тобой косяк, Костя, и очень серьезный...

– Это за мной-то? – Петровский чиркнул зажигалкой и криво ухмыльнулся, забыв, что Алан его не видит, – не ты ли пытался напарить меня, мой драгоценный друг?

Только на балконе он почувствовал, что снаружи было и впрямь очень холодно. В небе, выписывая в воздухе причудливые пируэты, плясали снежинки, сменив собой позавчерашние капли дождя. Температура явно упала далеко под отметку «ноль».

– Костя, ты оскорбил меня на моей земле, в присутствии моих близких... – начал Алан.

– То есть, если бы я навалил тебе на нейтральной территории тет-а-тет, претензий бы не было? – с издевкой спросил Петровский.

– Не смей издеваться, Костя, ты не в том положении! – злобно проговорил Алан.

– Да ну? – фыркнул Петровский, выпустив дым на улицу, – хочешь, расскажу, чем я занимался в последнее время? Бухал, гулял, ночью вот не кисло потрахался... друг, да у меня все прекрасно, чего и тебе желаю! – насмешливо заявил он.

– В общем, так! – Алан расвирепел, – мне надоели твои шуточки, Костя! Я дам тебе только один шанс! Чтобы ты знал: такие оскорбления принято смывать кровью! Но я деловой человек, поэтому, несмотря на твою дерзость, сделаю тебе предложение!..

– Да ты что! – фальшиво обрадовался Петровский, – не под венец, надеюсь? Ты учти, я не из этих...

– Закрой свой поганый рот и слушай! – рявкнул Алан, выйдя из себя окончательно, – ты совсем охренел, малец! Ты растерял и уважение и страх! Но я напому тебе, что это такое!

– Уже боюсь... – произнес Петровский.

– Ты отдаешь машину, которую вы привозили! – продолжил Алан, проигнорировав очередную остроту в свой адрес, – а я забываю, что мы когда-либо виделись, забываю твою наглость и твою рожу! А если нет, я заставлю тебя вспомнить о том, что ты давно умудрился забыть...

– Звучит жутковато! – Петровский швырнул сигарету в балконное окно, – то есть, оцениваешь свое разбитое лицо в два с лишним лимона, с учетом издержек... дороговато получается, Аланчик!

– Я тебе не Аланчик, сопля! – завопил тот, чем вызвал издевательский хохот Петровского, – лучше бы тебе не играть со мной, слышишь меня, ублюдок? Я тебя...

Петровский убрал трубку от уха и, дождавшись, пока поток ругательств иссякнет, сказал:

– Закончил? А теперь послушай меня, Аланчик! – он намеренно выделил именно это, – меня никто и никогда не ставил раком. И не поставит. И тебе я не по зубам, запомни это! Ты меня не нагнешь! – улыбка исчезла с лица Петровского и в мгновение ока превратилась в звериный оскал, а сам он заговорил на повышенном тоне, – поэтому иди-ка ты со своими щедрыми предложениями на х...р! Я доходчиво объяснил? Или тебе словарик прислать с русского на горный?..

Алан не стал дослушивать. Он сбросил вызов и, убрав сотовый в карман, посмотрел куда-то вдаль. Вокруг был лишь пустырь и одна его машина, рядом с которой меланхолично курили два охранника.

– По-хорошему не хочешь, с...а? – зло проговорил он, – будь по-твоему, гаденыш. Все дальнейшие разговоры будут на твоём языке.

Он повернулся к охранникам и сказал что-то по-своему. Те выбросили сигареты и погрузились в машину. Алан бросил ещё один взгляд на пустырь и тоже двинулся к авто.

Макаров открыл дверь ключом и вошел в квартиру. Внутри пахло чем-то вкусным, похоже, мама готовила обед. Или приготовила совсем недавно. Сергей бросил сумку в прихожей и снял пиджак, повесив в шкаф. Перед тем, как войти в комнату, он заглянул во внутренний карман, где лежал кошелек. Там оставалась пара оранжевых и с десяток бирюзовых и фиолетовых купюр. А ещё сегодня на мобильный телефон пришло сообщение. Несмотря на то, что в последнее время они не общались, Петровский или кто-то из его окружения, вполне вероятно, что Славик, все ещё перечисляли деньги...

– Привет, сынок! – негромко сказала мама, которая все это время сидела на диване в гостиной, не выходя встречать Макарова. Сергей виновато посмотрел на нее. После ссоры он так и не приходил домой, ограничившись тем, что отправил сообщение с предупреждением, что ночью его ждать не стоит.

– Привет, мам, – Макаров сел рядом с матерью и посмотрел куда-то в стену.

– Как дела? – дежурно спросила мама, – я волновалась...

– Дела нормально, – Сергей медленно кивнул, косясь на нее, – мам... ты это... прости меня. Я тут вспылил. Наговорил лишнего. Просто... – он набрал полную грудь воздуха и вновь соврал, – просто у меня были проблемы на работе. Я перенервничал. Прости меня, пожалуйста...

Сергей повернулся и посмотрел на мать. Та протянула руку и осторожно погладила его по голове. Макаров внутренне отругал себя за то, что теперь подобные проявления любви вызвали у него неприязнь. Похоже, он и вправду черствел...

– Все хорошо, Сережа, – произнесла она, – я всегда тебя пойму, ты же знаешь... так что произошло?

– Да... – Макаров махнул рукой, – разногласия с начальством. Ну, Костик, он же, по сути, мой начальник. Вот и поносил его вчера, на чем свет стоит, – он через силу улыбнулся, чтобышний раз не волновать мать, – такова уж прерогатива подчиненных: ругать свое начальство последними словами...

Мама негромко рассмеялась и с любовью посмотрела на сына.

– Ну, сейчас-то помирились? – уточнила она, глядя Сергею в глаза.

– Да, – Макаров опять заставил себя улыбнуться, – сейчас все хорошо.

Арсен закрыл капот своей машины и, поежившись от пронизывающего ветра, закурил, окидывая взглядом двор. Снежинки стайками плясали в воздухе, улиц постепенно покрывал иней...

– Жестянщики... – констатировал Арсен.

Мимо прошел какой-то крепкий парень в сопровождении двух местных девиц. Арсен махнул ему рукой, приветствуя, после чего потерял к тому всякий интерес.

– Салам, Арсен! – он обернулся на оклик. Чуть в стороне, рядом с черным седаном стоял Алан собственной персоной и приветливо улыбался во весь рот.

– Салам, Алан! – сказал Арсен с легким удивлением, сделав неловкий шаг по направлению к нему.

– Нормально все? – Алан продолжал улыбаться, – ну и здорово! Уделишь мне минутку, кое-что обсудить надо!

– Обсудить? – Арсен приподнял брови и опасливо огляделся, – да не вопрос...

– Назад прыгай, родной! – Алан, все еще продолжая улыбаться кивнул на свой автомобиль, – не на улице же нам говорить! Холодно, да и не для лишних ушей, понимаешь меня? – он подмигнул, заметив, как напрягся Арсен.

Тот направился к машине и сел на заднее сиденье. Сразу бросилось в глаза, что Алан сидел на пассажирском, а за рулем находился кто-то из его людей. А еще один – высокий и крепкий, крупнее самого Арсена, сидел сзади.

– Салам! – негромко сказал Арсен, закрыв за собой дверь.

– Салам, салам...

В следующую секунду кавказец, сидевший рядом, ударил Арсена «под дых». Тот скрючился от боли и нехватки воздуха, но его сразу же схватили за волосы и дернули вверх.

– Алан, ты чего?! – выдохнул Арсен, лихорадочно глотая ртом воздух.

– Ты с кем меня свел, п...р гнойный?! – Алан повернулся к нему. Ничего дружелюбного в его взгляде уже не было, улыбка, с которой он приветствовал Арсена, испарилась в мгновение ока.

– Что? – Арсен изумленно округлил глаза, – ты о чем, Алан?!

От нового удара в глазах потемнело. Опять резко подняли за волосы, не давая отдышаться. Алан поднес свое лицо почти вплотную.

– Я о тех щеглах, которых ты, с...а помойная, на меня вывел! – прошипел он, – тачки и вся х...я! Теперь догоняешь, о чем я? Может, вывезти тебя на пустырь и прирезать, как барана?

– Алан, ты чего? – взвизгнул Арсен, задрожав от страха, – ты о Джамале? Так когда это было, больше года назад? Ну ровно же все было, разве нет? – он со смесью надежды и ужаса смотрел на Алана.

– Значит, теперь неровно! – отрезал тот, – за твоим Джамалом и его петухом другом косяк, сечешь?

– Алан, а я-то причем? – взмолился Арсен, – они мне не друзья...

– Ты вывел этих о...х щеглов на меня! – выкрикнул Алан, – а значит, отвечаешь за свои действия!

Нижняя челюсть Арсена не просто задрожала. Она в прямом смысле начала ходить ходуном. Кавказец рядом с ним презрительно скривился, разминая крупные кулаки.

– Алан, да я даже не в курсе, о чем речь! – прошептал Арсен, – я тебе клянусь, у меня с ними дел нет! Я даже не знаю, о чем речь идет, ну пойми ты, ну не при делах я, что бы там ни было, правда!

Пару секунд Алан и его охранники смотрели на окончательно перепуганного Арсена. Затем Алан, набрав полную грудь воздуха, сказал:

– Ладно, допустим, я тебе верю. Но! – ледяным тоном добавил он, когда Арсен облегченно вздохнул, – это ничего не меняет. Свел меня с ними ты. Значит, ответить все равно нужно. Да не трясись, убивать не буду! – он усмехнулся, – мне от тебя пока только информация нужна...

– Г-говори, Алан, – заикаясь от страха, произнес Арсен, – все, что угодно...

– Короче, на днях поблизости могла крутиться вот такая машина, – Алан показал ему листок бумаги с маркой и цветом внедорожника, – знаешь что-нибудь об этом?

– Н-нет, – Арсен покачал головой.

– Так узнай! – рявкнул Алан, запустив в него бумажкой, – побазарь с местной шпаной, синяками, барабанами! Кто-нибудь мог ее видеть! Меня интересует местонахождение тачки, понял?

– Понял, Алан! – Арсен несколько раз лихорадочно кивнул, – я найду ее.

– Надеюсь на это, – Алан удовлетворенно кивнул, – ради твоей же сохранности. Еще. Где живет этот, Джамал, или как там его... не гони мне, что не знаешь этого! – он злобно сверкнул глазами.

– Знаю, Алан, знаю! – поспешно выговорил Арсен, – вот в той многоэтажке напротив! Седьмой этаж, семьдесят третья квартира!

– Хорошо, – Алан снова кивнул, – свободен, Арсен. Пока.

– Алан, – в последний момент Арсен обернулся, – а что стряслось-то?

– Не твое дело! – отрезал Алан, – свободен, тебе сказали! Не вздумай сквозануть никуда!

Арсен молнией вскочил из машины. Люди Алана проводили его насмешливыми и недружелюбными взглядами.

– Ну что, Алан, навестим этого Джамала? – спросил тот, что сидел за рулем.

– Нет, – Алан покачал головой, – не сейчас. Подождем вечера. Заодно, может, этот шут что-нибудь нарвет по тачке. Оставьте человека около той высотки, пусть пасет этого Джамала. Может, он и сам куда введет...

– Я понял, Алан, – водитель кивнул и достал из кармана куртки сотовый телефон.

Петровский миновал зал кафе и, коротко поздоровавшись с персоналом, вошел в служебное помещение. Кабинет был открыт. Логинов сидел за столом, глядя в ноутбук.

– Все работаешь? – Петровский пожал ему руку.

– Да нет, отчет делаю, – Славик покачал головой, – подсобишь?

– Да я в электрике ни хрена не понимаю! – Петровский рассмеялся.

– А тебе и не надо! – весело отозвался Славик, – про систему «антиплагиат» слышал что-нибудь? Вводят сейчас.

– Ну, так, краем уха, – кивнул Петровский.

– Ну вот, чтобы работу приняли, – продолжал Логинов, – нужно сначала пройти проверку по этой вот новой системе. И если не будет шестидесяти, что ли, процентов оригинальности, то и писульки вернут отправителю. Короче, Костик, ты же у нас мастер-демагог? Сам же понимаешь, вся эта хрень, – Славик кивнул на экран, – слизана с интернета подчистую, – можешь посидеть, почитать, по смыслу там перефразировать, добавить, убрать? Там страниц тридцать, я понимаю, много, но сам я хрен справлюсь, не переносу эту воду...

Петровский посмотрел Славiku в глаза. Тот сидел и открыто улыбался своему другу, как и раньше, как и три года назад. Наверное, он один не поменял к нему отношения после всего, что было...

– Тебе помогу, – твердо сказал Петровский, – давай, показывай, что там у тебя...

– Да вот, – Логинов развернул к нему ноутбук.

– Добро, – Петровский кивнул, – только давай так: сейчас я помогаю тебе, вечером ты мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.